



НАШИ • ТАМ

АЛЕКСАНДР ГУЛЕВИЧ
ХОРТАРИАНСКИЙ
ЯСТРЕБЪ

Александр Михайлович Гулевич

Хортарианский ястреб

Серия «Наши там (Центрполиграф)»

pdf

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63119127

Хортарианский ястреб:

ISBN 978-5-227-09266-3

Аннотация

Побег в неведомый мир от бывшей жены, и там, столкнувшись с самозваной женой, тоже сбежать от неё по туристической путёвке в эпоху раннего Средневековья на планете Хорта... Вот только откуда было ему знать, что самозваная жёнушка бросится за ним в опасную авантюру, где туристы далеко не всегда выживали, а тут ещё и настоящая бывшая супруга следом по его душу объявилась. А ко всем прочим сложностям, навалившимся на него, выясняется, что и он, и самозванка стали самыми популярными героями реалити-шоу, и это стало для них билетом в один конец без возможности вернуться...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	42
Глава 4	62
Глава 5	79
Глава 6	88
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Александр Гулевич

Хортарианский ястреб

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.



Серия «Наши там» выпускается с 2010 года

Оформление художника Янны Галеевой

© Гулевич А.М., 2020

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2020

© «Центрполиграф», 2020

* * *

Глава 1



Вышел я из зала Октябрьского районного суда славного города Краснодара в подавленном состоянии, и тому были веские причины. Теперь уже моя бывшая жена (чтобы ей до-революционные панталоны до конца жизни носить) вместе с новым, богатеньким хахалем умудрилась оттяпать половину дома, доставшегося мне после кончины прадеда. Этот дом был самым настоящим родовым гнездом, построенным ещё до революции, и с каждым новым поколением он становился только краше, но, так уж получилось, все из него разъехались по другим регионам страны, а некоторые и остались за границей после развала Союза. В общем, из всего многочисленного кубанского знатного казачьего рода мы с прадедом в крае остались одни. Правда, я тогда с женой отдельно жил на тёщиной квартире, но практически каждый день к нему навещался и помогал по хозяйству. Он хоть и старый был, но оставался крепок телом и духом. Прошёл и Гражданскую, и финскую, и Великую Отечественную, да ещё и в Китае с японскими самураями повоевать успел. Знатным он был воякой, не чета нынешним дискотечным хлюпикам, только и знающим всякие энергетические напитки с водкой

вперемешку глушить да тусить бестолково. Хотя не о них речь.

Когда прадеду перевалило за сотню лет, он как-то стал сдавать, и было ясно, долго на этом свете не задержится. Вот тогда у нас с женой Светланой и начался семейный разлад. Она всё меня подбивала дом продать, ведь за него можно было пять, а то и шесть квартир купить в элитных домах. Земля в центре очень дорогая, да и сам дом из добротного дореволюционного кирпича сложен, такие в большой цене у богатых людей, но я в никакую не соглашался. Родовое гнездо как-никак, и деньгами свои семейные корни только полные засранцы измеряют. В итоге дело дошло до развода, но мне было боязно о таком итоге нашей семейной жизни прадеду сообщать, поэтому я договорился с женой, что на развод подадим после смерти родича. Опасаться мне было нечего, дом по завещанию должен был отойти мне и под раздел совместно нажитого имущества никак не подпадал. Именно тогда я ушёл из квартиры и поселился на даче, но больше жил с прадедом, помогая ему во всём. Светлана недолго страдала от одиночества, быстро подцепив себе какого-то мелко-го дельца, раскатывающего на сильно подержанном джипастом «лексусе», но мне уже давно была по барабану её личная жизнь. Разводиться я решил окончательно и бесповоротно. Не нужна была мне такая спутница жизни, вот и всё.

В один из дней директор фирмы, в которой я трудился снабженцем, послал меня на неделю в Ростов-на-Дону, где

я перезаключал договоры с поставщиками, и в последний день пребывания в столице Ростовской области мне позволила соседка прадеда и сообщила о его кончине. Оформив все деловые документы, я сел за руль своей машины и как угорелый помчался в Краснодар.

Дома я, как полагается, устроил похороны с поминками, а на следующий день заявила супружница с хахалем и напомнила о нашем уговоре. Пришлось вместе поехать в ЗАГС, где мы и подали заявление на развод. Спустя два месяца нас развели, и вот тут-то и началась настоящая свистопляска! Светка-сука подала в суд на раздел совместного имущества. Как оказалось, за три дня до своей кончины, прадед переписал дом на меня, разумеется, не без помощи бывшей жёнушки и её пронырливого кавалера. Что они там наплели больному пожилому человеку, бог весть, но, как видно, весьма убедительно, раз прадед повёлся на её уговоры. Хотя, скорее, его просто обманули или, может, даже качественно подделали документы. В результате этой махинации я только что лишился половины семейного наследия, и мне было жутко обидно за свою непредусмотрительность. Свои личные документы я хранил в жестяной коробочке, где прадед держал свои боевые награды, чем Светка, видимо, и воспользовалась в полной мере. Конечно, можно было подать кассационную жалобу, но во время вынесения вердикта я уловил чью-то постороннюю заинтересованность в доме. Определённо, за всем этим стоял кто-то очень богатый и влия-

тельный, и, скорее всего, я с треском проиграл бы кассацию. Короче, картина вырисовывалась совсем безрадостная.

– Валентин, ты чего такой сегодня хмурый?! – неожиданно послышался знакомый голос из приоткрытого окна остановившегося рядом со мной нового «мерседеса».

Приглядевшись, я с удивлением узнал своего старого друга, с которым мы вместе выросли на одной улице, только он в последние несколько лет всё больше на нефтепромыслах пропадал, заколачивая длинную деньгу.

– Здорово, Ваня! Ты когда в город приехал?

– Ты давай в машину быстрее садись. Здесь останавливаться нельзя.

Я торопливо запрыгнул на переднее сиденье, и машина рванула. Пристегнув ремень, я с тоской смотрел на проносящиеся мимо с детства знакомые улицы и терзал себя совершенной глупостью.

– Так всё же, чего это ты такой кислый? – вновь поинтересовался Иван, с любопытством посматривая на меня.

Пришлось ему всё рассказать во всех подробностях, описывая случившиеся со мной перипетии с разводом и судом.

– Да, нехорошо получилось... – протянул он и, не отрывая взгляда от дороги, категорично заявил: – Надо немедленно домой ехать и забрать всё самое ценное, в противном случае твоя бывшая вместе с хахалем всё загребёт, и останешься ты вообще без ничего.

– Действительно, подвези меня, пожалуйста, домой.

Пробки мы как-то проскочили, уложившись в пятнадцать минут, и вошли в дом. Особо ценного здесь ничего не было, разве что казачья шашка и кавказский кинжал, семейный фотоальбом да некоторые трофеи с разных войн. Были ещё моих пару сотен тысяч и награды за службу в рядах внутренних войск. Всё уместилось в две большие дорожные сумки, и я хотел уже попросить Ваню подвезти меня на дачу, но вспомнил ещё о прадедовом сейфе, спрятанном в капитальном сарае. Что там было, старик никогда не говорил, да я особо и не настаивал. В конце концов, у каждого есть свои маленькие тайны, в которые даже родным лезть не стоит. В любом случае я знал, где был спрятан сейф и ключ от него, но никогда туда не лез, и вот теперь настало время...

Взяв ключи от сарая, я вышел во двор, подошёл к массивным стальным воротам, открыл замки и, пробравшись через старую рухлядь, открыл дверцы старинного дубового шкафа. Сорвал фанерную стенку и увидел дореволюционной ещё работы небольшой стальной ящик. Решительно вставив ключ и провернув его в замочной скважине четыре раза, открыл дверцу и увидел единственный предмет, хранившийся в нём. Это был до невозможности потёртый кожаный портфель огромных размеров. Взяв его за ручку, я ощутил приличную тяжесть и, подтянув к себе, открыл покрывшийся патиной бронзовый замок. Засунув руку внутрь, нащупал холщовой свёрток и большую продолговатую жестяную коробку.

Вытряхнув её содержимое на пыльный стол и взглянув на него, я мгновенно ощутил, как моя челюсть медленно отвисает от удивления. Из коробки вывалились десять стандартных картонных упаковок с патронами калибра 7,62 от ППШ и пистолета ТТ по семьдесят штук в каждой. Тут ещё были пять пачек от нагана и четыре упаковки девятимиллиметровых парабеллум, но самым шокирующим для меня стали не патроны, а то, что находилось в промасленных свёртках. В первом оказался никелированный «Вальтер Р-38» с гравированной готическим шрифтом надписью, с пожелтевшей косяной рукояткой и золотым орлом с венком в когтях, внутри которого была свастика Третьего рейха, выпущенный в 1937 году. Ещё до начала серийного производства. На нём даже серийный номер отсутствовал. В другом свёртке оказался наш родимый советский ТТ и четыре обоймы к нему, но и он был явно не из обычных, так как тоже имел дарственную надпись от командования какому-то комбригу Куликову И.К. В третьем же свёртке находился самый обычный наган, судя по клейму изготовленный в Туле в 1938 году. А вот четвёртый свёрток вообще меня ошарашил до глубины души! Здесь находился шедевр испанских оружейников – автоматический пистолет «Астра 903» с деревянной кобурой и несколькими коробчатыми магазинами на двадцать патронов в шедевральном исполнении. Он был весь украшен искусной гравировкой и покрыт золотом. На его фоне парадный эсэсовский кинжал с цепью старшего комсостава совер-

шенно не производил особого впечатления, хотя вещь была очень редкой.

Поворошив арсенал, я, кроме оружия, нашёл ещё сильно потёртую серебряную подкову с многочисленными надписями на старославянском языке и медный знак коловорота – древнейшего священного символа наших славянских прародителей. Помимо этого, в отдельном кармашке я обнаружил три десятка царских червонцев.

Больше не став рассматривать это великолепие, я быстро сложил находки обратно в портфель и, выскочив из сарая, вернулся в дом и попросил Ваню подбросить меня на дачу. Забрав с собой упакованные сумки, я с болью в сердце оглядел семейную обитель и, тяжело вздохнув, направился на выход. Сложив вещи в багажник, мы тронулись, и в этот момент я заметил, как к покинутому только что дому подкатил издавший виды «лексус» с бывшей женой и её хахалем. Усмехнувшись, я наконец почувствовал себя победителем и в хорошем настроении прибыл на дачу.

К сожалению, Иван задержаться не мог, но клятвенно обещал в ближайшие дни посетить меня и, попрощавшись, укатил по своим делам. Оставшись один, я вошёл в домик, поднялся на второй этаж, разложил прадедов арсенал и теперь уже с чувством, с толком и расстановкой стал изучать доставшиеся мне коллекционные вещи. Всё оружие было в идеальном состоянии. Износ стволов и механической части практически отсутствовал. Если наган и ТТ мне были хорошо

знакомы, то вальтер и «Астра 903» были известны только по журнальным картинкам. Вальтер был хорош, ничего не скажешь, но куда больше меня заинтересовал испанский пистолет. Это была качественная переделка немецкого легендарного маузера, причём испанские оружейники умудрились переплюнуть германских инженеров, сделав автоматический пистолет, стреляющий не только одиночным огнём, но и короткими очередями. Великолепная была вещь!

Перекладывая реликвии, мне очень захотелось опробовать оружие в тире, но, прекрасно понимая, что это пока невозможно, выбросил из головы эту шальную мысль. Пришлось сложить стволы обратно с намерением спрятать всё куда подальше, но случайно зацепился взглядом за серебряную подкову в натуральную величину и нашейный славянский языческий коловорот. Повертев их в руках, я сразу понял, предметы были очень старыми, если не сказать древними, да и сила какая-то в них определённо ощущалась, так как у меня между лопаток забегали многочисленные мурашки. Я хоть и был православным христианином, но и в славянских культурах видел определённый смысл, правда, на собрания никогда не ходил, просто сочувствовал и не более того, хотя знакомые достаточно регулярно приглашали.

Внимательно рассмотрев предметы культа, я со вздохом положил их в портфель и, защёлкнув замочек, запрятал его под крышу. Спустившись на кухню, занялся приготовлением яичницы с помидорами, но совершенно неожиданно мой со-

товый телефон настойчиво заиграл песню Виктора Цоя «Мы ждём перемен». Вытерев о полотенце испачканные руки, я нажал кнопку.

– Алло.

– Привет, Валентин. Что завтра делаешь?

– Здорово, Василий.

– Ты знаешь, что завтра 20 июля, День Перуна?

– От тебя только что узнал, – искренне ответил я, не совсем понимая, зачем он это у меня спрашивает.

– Я приглашаю принять участие в праздничных мероприятиях. Сам понимаешь, это день бога войны, и поэтому будет много воинов. Все они бойцы разных отрядов особого назначения и померяются своей удалью богатырской в честь Перуна. Как раз то, что ты любишь.

Немного подумав, я дал своё согласие и, обговорив с ним время и место встречи, попрощался. Сев за стол, с большим аппетитом слопал яичницу, но не успел помыть сковороду, как вновь зазвонил телефон, но теперь была иная мелодия. Пел Кипелов песню «Я свободен». Её я специально поставил на номер своей бывшей жены, как бы издеваясь над ней. Брать трубу совсем не хотелось, но всё же поговорить с ней следовало. Хотелось узнать её реакцию на отсутствие семейных реликвий, к которым она никакого отношения не имела.

Как и ожидалось, Светка сразу подняла вой и потребовала отдать ей половину, постращав меня всякими карами, но мне было глубоко плевать на её угрозы, о чём я не преминул ей

сообщить. Услышав нелестные слова в свой адрес, она опять взвыла, но совершенно неожиданно послышался шлепок, а за ним злой мужской окрик, заставивший бывшую жену заткнуться, после чего в трубке раздался его голос:

– Послушай, Валентин, мне твой дом не нужен, можешь забрать его себе, только отдай родовые обереги. Серебряную подкову и коловорот. Если хочешь, можешь и свою бывшую забрать. Она мне требовалась только для того, чтобы к тебе поближе подобраться.

Голос был красивым, как раз от такого многие женщины на некоторое время теряют голову, но что-то в нём было нехорошее, отчего мне сделалось немного не по себе.

– Ну так как, договорились?

– Светлану оставь себе, она мне самому ни в каком качестве более не нужна, а что касается родовых оберегов, то не получишь ты их, и точка, – категорично заявил я и, уже нажимая кнопку отбоя, услышал обрывок фразы:

– Зря ты так. Не умея пользоваться древними вещами...

Что он говорил дальше, я не дослушал и, отключив телефон, глубоко задумался. Моя интуиция буквально кричала, что это крайне серьёзно и отдавать подкову с коловоротом категорически нельзя. Что здесь было не так, я, откровенно говоря, не понимал, так как всякая потусторонняя хрень воспринималась мной... Да никак не воспринималась. Не верил я в неё, вот и всё, но именно сейчас мне стало как-то особенно беспокойно на душе.

Пройдя по кухне, я остановился у зарешеченного окна и, прислонившись лбом к холодному стеклу, прислушался к своей интуиции и решил сегодня на даче не ночевать. Достав из ящика пять армейских сухих пайков, я собрал кое-какие вещи, забрал сумки и портфель, взятые в родовом доме, и пошёл в гараж. Сложив всё в багажник и прогрев двигатель, поехал на берег Кубани. На облюбованном месте установил двухместную палатку и, накачав надувной матрас, улёгся, надеясь уснуть, да только сон совсем не шёл. Всю ночь лезли в голову всякие гадости с мерзостями, не дававшие сомкнуть глаз.

Проворочавшись до самого утра, я сложил палатку и поехал на встречу с Василием, но по дороге изменил маршрут. Мне вдруг захотелось посмотреть на свою дачу. Остановившись на пригорке, я достал морской бинокль с дальномерной сеткой и взгляделся на садовый кооператив. Найдя свой дом, от неожиданности чуть не плюхнулся на пятую точку. Дома не было, вернее, он был, но в виде сильно обгоревшего остова, а возле него стоял до боли знакомый «лексус»...

Сплюнув от досады, я сел за руль и покатыл на встречу с другом, всю дорогу на чём свет стоит костеря гадскую Светку с её новым хахалем, неожиданно оказавшимся далеко не таким простым, как мне казалось раньше. В общем, ехал я во взвинченном состоянии, страстно мечтая почесать свои кулаки о наглую физиономию владельца подержанного «лексуса» и показать ему, где раки зимуют.

Прибыв на оговорённое место, мне пришлось некоторое время подождать друга. А когда он приехал на своей старенькой праворульной «тойоте», то сразу потащил меня знакомить с остальными представителями общины под названием «Славянский Искон». Здесь присутствовала и молодёжь, и семьи с детьми, но больше всего было бойцов, ведь день Перуна как-никак. Люди были приветливы и доброжелательны, что не могло не подкупить. Через некоторое время жрец организовал народ и, рассадив безлошадных по машинам, отдал команду на выдвижение, и мы дружной колонной направились на окраину станицы Елизаветинской.

Ехали мы недолго и добрались до лесополосы, где оставили свой транспорт на обочине грунтовки, и направились на капище. Вот здесь и началось самое интересное. Жрец, будучи человеком знающим, объяснил всем собравшимся, что такое Перунов день, когда и как славится Перун-громовержец и все боги родные, а также правила, как воздаётся честь воинам-защитникам отечества. Очень понравились мне его слова, особенно о подвигах наших предков, павших на многочисленных полях сражений, защищая потомков своих и землю родную, прославляя её в веках и тысячелетиях.

Слушал я это в большом восхищении и постепенно втягивался в обрядовый процесс, направляемый жрецом, но всерьёз меня проняло, когда мужчины организовали внутренний круг, в котором находился и я, а женщины образовали внешний. Под монотонные звуки бубна мы запели славян-

скую воинскую песню, при этом, в такт хлопая в ладоши, с каждым произнесённым словом этот мужской хор становился всё стройнее и сильнее. Закрыв глаза, я буквально узрел яростную пляску огня и ощутил себя в плотном воинском строю, смело идущего в атаку на превосходящего силой врага. Боевая всепоглощающая ярость охватила меня целиком и полностью, не оставляя в моей голове каких-либо других посторонних мыслей. Я шёл, нет, я летел вперёд навстречу врагу, а за моей спиной неслась вся длинная череда моих воинственных предков, неистово поддерживая моё обжигающее душу желание вбить по ноздри проклятого врага, чтобы ему больше неповадно было посягать на **СВЯЩЕННЫЕ ГРАНИЦЫ НАШЕЙ РОДНОЙ ЗЕМЛИ!!!**

Неожиданно воинский гимн закончился, как и удары в ритуальный бубен, но я ещё долго не мог прийти в себя. Всё мне чудилось, как я иду в яростную атаку в кольчужных доспехах с массивным щитом в левой руке, а правой крепко сжимаю длинное копьё с острым наконечником. Пытаюсь сбросить с себя наваждение, я старался вникать в последующие ритуалы, но мне почему-то это плохо удавалось, пока не началось поминальное приношение. Вот тут что-то со мной случилось совсем уж непонятное. В моей голове явственно зазвучал суровый мужской голос:

– Ты этого действительно **ХОЧЕШЬ?!**

Продолжая пребывать в каком-то не совсем нормальном состоянии, я, не подумавши, ляпнул:

– Всем сердцем! Всей душой!

– ПОЛУЧАЙ!!!

Только отзвучало в моей черепушке это слово, как вся моя странная раздвоенность разом исчезла, оставив после себя ощущение небывалой лёгкости и душевного подъёма, отчего я с радостью и небывалым азартом продолжил участие в воинских забавах, в которых мне по доброте душевной набили довольно внушительный фингал под левым глазом. Должен признать, не только мне досталось, но никто в обиде не остался, это ведь всё ж таки праздник воинской доблести и славы, а не какие-нибудь пьяные разборки в заплёванной подворотне.

Завершилось сие знатное мероприятие около полуночи, и люди стали потихоньку разъезжаться по домам, правда, далеко не все. Многие предпочли остаться и переночевать на лоне природы, остался и я, тем более возвращаться мне теперь было совершенно некуда. Расчистив себе в лесу площадку подходящего размера и установив палатку, я с комфортом устроился на ночёвку. Вскрыл армейский сухпай, запалил сухой спирт, разогрел тушёнку и с удовольствием слопал, запив горячим зелёным чаем без сахара.

Хорошо здесь было, спокойно. Изредка нарушаемая оставшимися общинниками тишина ввела меня в философское состояние, а через некоторое время так и вообще потянуло в сон. Не став бороться с желанием хорошо выспаться на свежем воздухе, я на всякий случай перенёс из машины

все свои вещи и документы в палатку и улёгся на надувной матрас. Поворочавшись, нашарил в темноте фонарь, заряжаемый от солнечной батареи, и, включив его, полез в портфель. Нашупав наган и пачку патронов к нему, снарядил барабан, засунул оружие под подушку и не заметил, как погрузился в глубокий сон.

Глава 2

Вставать совершенно не хотелось, но естественные потребности заставили откинуть в сторону невесомое одеяло и подняться. Открыв заспанные глаза и узрев окружающую меня обстановку, я непроизвольно от изумления крикнул. Я сидел на кровати, а сама кровать находилась в большом помещении и очень напоминала люксовую больничную палату. К этой мысли меня натолкнуло наличие большого числа каких-то мигающих разными светодиодами аппаратов, от которых тянулись многочисленные провода к датчикам, прикреплённым к моему телу.

Решительно сорвав с себя эту дрянь, я соскочил на пол и хотел было обойти помещение в поисках нужника, но на всякий случай заглянул под подушку. Наган был на месте, как и вскрытая картонная пачка с патронами к нему. Судорожно схватив оружие, я уже куда спокойнее пошлёпал босыми ногами по мраморному полу к окну и, взглядевшись, от всей души за-матерился. Перед домом была площадка, выложенная фигурной тротуарной плиткой, а чуть дальше я заприметил какие-то штуковины непонятного назначения. Кроме этих предметов, вокруг ничего не было, куда ни кинь взгляд – расстелилась девственной чистоты природа. Зелёная травка с небольшими лесочками на фоне голубого неба с белыми облачками – и больше ничего.

«Уж не в психушку ли меня упекли?! Хотя вряд ли, – подумалось мне, – в этом случае револьвер, тем более заряженный, под подушкой никогда не оставили бы. Тут явно что-то другое имеет место быть...»

Вернувшись к широкой кровати, я ещё раз огляделся и заметил в дальнем углу край своей сумки, выглядывающей из-под белоснежной простыни. Сдёрнув её, я возрадовался. Все мои личные вещи находились здесь, в том числе и туристический набор вместе со сложенной палаткой и матрасом, топориком и сапёрной лопаткой. Перепроверив обе сумки и убедившись в полной сохранности своего имущества, я уселся на койку и глубоко задумался. Всё это было крайне странным и никак не укладывалось в моей голове. Мысли метались как сумасшедшие, но на возникающие многочисленные вопросы разумного ответа ну никак не находилось.

Не знаю, сколько я просидел в таком состоянии, но вывел из него мой мочевой пузырь, открытым текстом говоря о необходимости посетить санузел. Снова оглядевшись, я заметил две двери, почти полностью сливающиеся со стеной, и, подойдя к одной из них, дёрнул за ручку, но дверь оказалась закрыта, а вот вторая вела именно туда, куда мне и требовалось.

Сделав свои дела, я включил воду в кране, умылся и, подняв голову, посмотрел на себя в зеркало. В нём, без всякого сомнения, отражался я, но всё же что-то было во мне не так. Приглядевшись более внимательно к своему отражению, я

сообразил, в чём заключалась разница. Из зеркала на меня смотрел я, только на двадцать лет моложе, то есть не сорокапятилетний мужчина, а двадцатипятилетний парень с дерзким и насмешливым взглядом. Осмотрев себя со всех сторон и ощупав пальцами лицо, понял, что это мне не мерещится и случившееся со мной надо воспринимать как должное, иначе действительно недалеко и до отдельной палаты в закрытом психиатрическом диспансере...

Вытерев лицо и руки одноразовым бумажным полотенцем, я кинул влажный комок в мусорное ведро и вернулся в палату, где уже находились двое мужчин в белых медицинских халатах и одна стройная высокая молодая женщина в тёмном деловом брючном костюме.

– Как видите, наши новейшие медицинские технологии творят чудеса и теперь ваш супруг совершенно здоров, правда, память ещё к нему не вернулась, но это обязательно должно произойти в ближайшие несколько месяцев. Вы должны понимать, технология экспериментальная и до совершенства пока не отработана, – с извиняющимися нотками в голосе произнёс один из врачей, обращаясь к женщине.

– Спасибо вам, профессор, вы совершили настоящее чудо! Я обращалась за помощью к ведущим светилам, и все отказали мне, уверяя, что моего мужа из комы вывести невозможно, так как его биологическая жизнь должна была оборваться в самом скором времени.

Внимательно вслушиваясь в разговор и вникая в смысл,

я медленно дурел. Мало того что неизвестно где нахожусь, так ещё и новая жена нарисовалась! Мне бывшей хватило, так ещё и эта... на ходячий калькулятор похожая, хотя и на стройных ножках.

– Профессор, деньги за вашу блестящую работу вместе с дополнительным бонусом незамедлительно будут переведены на счёт клиники.

– Благодарю, госпожа Эстель.

Молодая женщина отточенной походкой супермодели подошла ко мне и, взглядевшись в глаза слишком уж ласково, заговорила:

– Здравствуй, Валентин, пойдём скорее домой. Мы все этого так долго ждали!

– Добрый день, Эстель, сейчас, только свои вещички заберу – и сразу домой.

– Любимый, неужели к тебе вернулась память?! – воскликнула девица, в глазах которой читался лёгкий испуг.

– Нет, я ничего не помню, просто слышал, как вас называл господин профессор.

Вернувшись в санузел, я схватил оставленный на стеклянной полке револьвер и засунул за пояс пижамных штанов. Прикрыв оружие балахоном, спокойно направился к сумкам, подхватил их и подошёл к ранее запертой двери, вопросительно посмотрев на неизвестных мне людей. Двое медиков, взглянув на мои китайские сумки типа «мечта оккупанта», недоумённо переглянулись между собой, но, ничего не ска-

зав, поспешили открыть дверь.

Шагая следом за врачами и молодой женщиной, назвавшейся моей женой, я с немалым любопытством рассматривал длинный коридор, в котором наличествовали многочисленные двери. Больше в коридоре ничего не было, даже обычные плакатные наставления не висели, но больше всего поражало отсутствие медицинского персонала и пациентов. Странная это была клиника, очень странная...

Когда мы спустились по лестнице в холл, нас встретил охранник в чёрной униформе с кобурой на поясе и сопроводил к выходу. Проходя мимо него, я кинул на него взгляд, и мне показалось странным его лицо, но я не придал этому значения, да и всматриваться времени не было, впрочем, и желание отсутствовало. Оказавшись на прилегающей площади, мои спутники пошли по направлению к тем самым непонятным штуковинам, и, когда мы оказались рядом, неожиданно в ней открылась дверь, и оттуда спустился эскалатор.

Эстель мило улыбнулась медикам, попрощалась с ними и, оглянувшись в мою сторону, хорошо понятным жестом предложила первому взойти на подъёмник. Внешне не выражая никаких эмоций, я сделал несколько шагов и, встав на ступеньку, непонятно каким образом оказался на площадке перед трёхэтажным особняком из красно-бурого кирпича. Сдерживая вырывающиеся наружу эмоции, я огляделся по сторонам и, кроме красивого природного ландшафта с одной-единственной извилистой дорогой, уходящей куда-то за

горизонт, не увидел больше ничего.

– Валентин, пошли домой, – возникла рядом со мной дамочка, – слуги подготовили твой любимый бассейн с целебной минеральной водой.

Деваться мне было некуда, пришлось идти за ней. Хотя она была и красивой особой, но доверия не вызывала. Чем-то она мне напоминала нашего главбуха Марию Феоктистову, строящую из себя светскую львицу и читающую только свои занудные бухгалтерские талмуды, лишь временами отвлекаясь на гламурные глянцевые журналы сомнительного содержания. Одним словом, холодная в эмоциональном плане, она была как рептилия или пресмыкающееся. Вот и эта госпожа Эстель, скорей всего, такая же. Холодная и расчётливая стерва.

В общем, шёл я за своей «жёнушкой», посматривая на её точёную фигурку, и всё острее мне хотелось оказаться от неё как можно дальше. Но прежде, чем пойти на рывок, следовало разобраться в обстановке. Глупо податься в бега неизвестно куда.

Поднявшись по мраморной лестнице, мы вошли в особняк, где нас встретили несколько слуг, которые, поприветствовав хозяина, то бишь меня, любимого, сразу разошлись по своим делам, кроме одной пожилой женщины, сопроводившей меня в помещение с бассейном. Поставив сумки у лавки и незаметно сунув в одну из них револьвер, я скинул больничную пижаму и с разбегу бросился в воду. И чуть

не вылетел обратно. Водичка оказалась обжигающе холодна, но, спустя минуту, я ощутил, как по всему телу растёкся приятный жар, смывая накопившееся душевное напряжение.

Поплескавшись минут двадцать, я вылез и, обтёршись большим махровым полотенцем, накинул на себя домашний халат. Подпоясавшись, нагрузился сумками и вышел в коридор. Здесь меня встретила та же служанка и провела в покои. Оказавшись в большой комнате с огромным балконом, я сложил свои сумки в шкаф-купе, завалился на кровать, закинул руки за голову и не заметил, как уснул.

Проснувшись посреди ночи, не сразу сообразил, что же нарушило мой сон. Внимательно вслушиваясь в ночную тишину, уловил на пределе возможности обрывки разговора. Решив больше не отлёживать бока, я поднялся и, всунув ноги в домашние тапочки, выглянул из-за двери. Никого не заметив, вышел в коридор. Немного постояв на месте и сообразив, с какой стороны доносятся обрывки речи, осторожно направился в ту сторону. Идти пришлось недолго, спустя пару минут я оказался у приоткрытой двери в небольшой зал. Именно оттуда и доносился разговор. Заглянув в щёлку, я увидел двоих людей возле горевшего камина. Это были мужчина и женщина. Лиц видно не было, так как они сидели ко мне спиной. Я потянул дверную створку, нырнул внутрь помещения и, спрятавшись за ближайшей колонной, выглянул из-за неё. Тихий разговор сидевших теперь мне был отчётливо слышен.

– Подожди, Эстель, ты уверена, что сможешь убедить своего мужа переписать компанию на твоё имя?

– Смогу, только для этого потребуется некоторое время. Окружу его со всех сторон лаской и заботой, вот он и станет покладистым.

– Этого недостаточно, чтобы твоего пока ещё супруга убедить подписать генеральную доверенность, – покачав головой, возразил мужчина.

– Генри, неужели ты думаешь, я такая круглая дура? Разумеется, этого недостаточно. Супругу надо привить устойчивое чувство вины передо мной, и для этого я наняла крутую профессионалку. В её обязанности входит соблазнение и раскручивание клиента на адюльтер. Когда связь начнёт приобретать устойчивый характер, я их застану во время любовных утех и устрою истерику с грандиозным скандалом, чего он на дух не переносит. Вот тогда он и будет делать всё, чтобы загладить свою вину. Этим я и воспользуюсь, подсунав на подпись генеральную доверенность. Остальное лишь дело техники. Переоформи́м компанию на моё имя за пару дней, и тогда ты его ликвидируешь, а тело куда-нибудь спрячешь. Именно тогда мы с тобой станем полноценными владельцами компании с капитализацией в девяносто два миллиона лир.

– А ты не боишься, что нанятая тобой профессионалка потянет одеяло на свою сторону? – с явной озабоченностью и сомнением поинтересовался у моей «жены» неизвестный.

– Не беспокойся, она ничего не знает и просто выполнит свою работу, за которую ей заплатят очень хорошие деньги, – категорично заявила Эстель и нежно попросила: – Любимый, давай оставим дела и поднимемся в спальню, я вся истосковалась по твоей любви и ласке.

– Пойдём, дорогая, надеюсь, в твоих покоях нас никто не побеспокоит, в особенности твой больной муж.

– Ты же знаешь, в моей спальне имеется чёрный ход, которым тебе приходилось пользоваться не один раз, – с деланой укоризной проворковала Эстель и в нетерпении поволокла его по лестнице наверх.

Лицо своей «супружницы» я так и не увидел, но вот лицо некоего Генри рассмотрел и хорошо запомнил.

Оставаться в зале больше не имело смысла, поэтому я, соблюдая меры предосторожности, вышел в коридор и быстро вернулся в свою комнату. Постояв некоторое время в задумчивости, разбирая подслушанный разговор, я решил на следующую ночь тайно покинуть столь «гостеприимное» место. Уж лучше шагать куда глаза глядят, чем находиться в такой компании.

Спать совсем не хотелось, и для того, чтобы скоротать время, я занялся подготовкой к своему побегу. Достал из сумки все вещи и стал их укладывать более удобно. На всякий случай снарядил патронами все магазины ТТ и засунул оружие в портфель. Случайно бросив взгляд на прозрачный пакет, в котором лежали деньги и документы, я не поверил своим

глазам. Схватив его и вытряхнув содержимое на кровать, я подхватил четыре пачки упакованных купюр и рассмотрел их со всех сторон. Это были деньги, да только не российские рубли. Достав одну пятитысячную бумажку и повертев её, я озадаченно пожал плечами и положил обратно. Деньги назывались лирами, но вот государственная принадлежность никак не устанавливалась. Не было там такой надписи.

Плюнув в очередной раз на все происходящие со мной странности, я скинул пачки в пакет и взялся за личные документы. Они тоже оказались другими, правда, на мои настоящие имя, отчество и фамилию, Валентина Александровича Кудрявцева, а вот что касалось государственной принадлежности... Вместо российского двуглавого орла красовался багровый щит, на котором была изображена чёрная пантера в прыжке, а под ним надпись: «Республика Бретта». Всё остальное было всё так же, как и в родном российском паспорте, только вместо надписей присутствовали штрихкоды, предназначенные для электронного сканирования.

Ну не хотелось мне ломать голову над этими странностями, от которых, если хорошо вдуматься, может и крыша слететь, причём навсегда. Оставалось только надеяться, что со временем ответы рано или поздно сами собой найдутся.

Переупаковав сумки, я сложил их обратно в шкаф-купе и, полежав некоторое время, задремал.

Вынырнув из тревожного полубытья, я почувствовал, как некто настойчиво щекочет мою пятку, и тут раздался

незнакомый, но очень мелодичный женский голос:

– Дорогой, давай просыпайся, скоро завтрак.

Откинув одеяло, я открыл глаза и увидел фигуристую и сильно загоревшую девушку. Хороша была, чертовка, очень хороша, да только я сразу догадался, кто она такая. Профессионалка, подосланная моей жёнушкой для решения шкурного вопроса. Глядя на девицу в коротеньком и плотно облегающем платье с глубоким декольте, из которого чуть ли не выпрыгивали такие хорошенькие сестрички, мне подумалось, что Эстель явно перестаралась. Любой нормальный мужик на моём месте сразу заподозрил бы какой-то подвох. Ну не может нормальная жена позволить прислуге щеголять перед своим мужем в таком вызывающе сексуальном наряде, если она не извращенка, конечно. Хотя, скорее всего, тут решили напропалую использовать мою потерю памяти. М-да-а... не дом, а настоящий серпентарий с ядовитыми гадами, вернее, гадинами. Правильно я решил отсюда слинять от греха подальше. Не стоит здесь задерживаться, ой не стоит...

Поднявшись, я демонстративно голодным взглядом окинул женскую фигуру и поинтересовался:

– Тебя как зовут, красавица?

– Валентин, ты что, совсем ничего не помнишь?! Я же твоя ласковая малышка Карина! – воскликнула она, прижимая к груди крепкие кулачки и глядя на меня полными сочувствия глазами.

Ничего не скажешь, профессионально сработано. Артист-

ка, блин, погорелого театра...

– Кариночка, лапочка, будь добра, принеси мне одежду, пожалуйста, я, признаться, совсем не помню, где она находится.

Девушка медленно кивнула, не отрывая от меня пристального взгляда, и, нехотя развернувшись, вышла из комнаты. Как только дверь за ней закрылась, я прошёл в ванную комнату и, быстро приняв душ, вернулся обратно в комнату. Одежда аккуратно лежала на кровати, но стервозной и не в меру загоревшей девушки не было. Немного удивившись её отсутствию, я скинул махровый халат и натянул вполне обычные семейные трусы, затем классические брюки с бежевой рубашкой с короткими рукавами и лакированные туфли. Всё было впору и сидело на мне отлично. Подойдя к высокому зеркалу и посмотрев на себя, причесал взлохмаченные волосы. Оставшись довольным своим внешним видом, вышел из комнаты и нос к носу столкнулся с Кариной. Девушка дружелюбно улыбнулась и, взяв меня за правую руку, потянула на первый этаж, где усадила за длинный стол, за которым уже завтракала «супруга».

Пожелав приятного аппетита, я взял ложку и стал вкушать обычную овсянку, сваренную на молоке. Кашка была вкусной, но елось как-то вяло, слишком гнетущей была атмосфера. Сначала возникло желание растормошить это сонное царство, но я быстро выкинул из головы дурную мысль и, кое-как доев свою порцию, поблагодарил молодых женщин

и вернулся в свою комнату, из которой уже не выходил. Конечно, меня приглашали на обед и ужин, но, притворившись спящим, я не пошёл, ну не хотелось быть мне в этой странной компании, и всё тут!

Дождавшись глубокой ночи, я в домашнем халате высунулся из комнаты и вновь из того же небольшого зала услышал обрывки разговора, но меня это уже не интересовало. Спустившись по лестнице и никого не обнаружив, быстро вернулся обратно и, одевшись в мой походный камуфляж с потрёпанными кроссовками, взвалил на себя сумки и аккуратно покинул дом.

Шагая по дороге, первое время мне постоянно приходилось оборачиваться, но так как в темноте практически ничего не было видно, я перестал это делать, и в результате скорость моего движения возросла. Тяжесть сумок постепенно увеличивалась, но останавливаться на привал не хотелось. Надо было сразу уйти от дома как можно дальше. В общем, шёл я и шёл неведомо куда, пока не начало светать. Только тогда решил устроить привал в неприметном месте и оглядеться по сторонам, желая выяснить, куда же меня нелёгкая на сей раз занесла. Заметив на некотором отдалении от дороги цепь невысоких холмов, покрытых густым кустарником, решил направиться туда.

Идти оказалось непросто, так как всё пространство было довольно плотно усеяно камнями, но в итоге я добрался к намеченной цели. Неторопливо обустроив себе полноценный

бивак, взял бинокль и, устроившись на самом высоком холме, занялся осмотром близлежащих окрестностей. От особняка я ушёл километров на пятнадцать, и вокруг оставался всё тот же пустынный пейзаж, только где-то вдалеке, куда вела дорога, виднелись многочисленные строения. Подробно рассмотреть не получалось, слишком далеко они находились. Ещё раз посмотрев на дом, я заметил машину, несущуюся со стороны особняка. Машина оказалась кабриолетом, в салоне которого находились Эстель с Кариной.

Усмехнувшись, я некоторое время наблюдал за этой стержневой парочкой, но потом мне это надоело. Вернувшись к биваку, разогрел на сухом спирте перловую кашу с мясом и с удовольствием подкрепился, после чего улёгся на подстилку. Подумав, пришёл к заключению: идти следовало только по ночам в сторону виднеющихся строений и никому не попадаться на глаза.

Целый день я дремал, иногда выползая на макушку холма и осматривая пустынные окрестности. За это время на дороге никто не появлялся, и только под самый вечер машина с Эстель и Кариной пронеслась обратно в сторону особняка. Выждав, когда наступят сумерки, я свернул бивак и неторопливо зашагал к намеченной цели.

Под утро третьего дня моего побега я наконец добрался к городу, а это был именно город, без всяких сомнений, только совсем небольшой. Остановившись на окраине, сразу идти в него я не решился. Пришлось, как и в предыдущие дни,

устроиться в кустах на возвышенности и внимательно наблюдать, надеясь выяснить, нет ли здесь для меня какой-либо угрозы. Чем больше я пялился в бинокль, тем меньше понимал, где нахожусь. В городке высоких зданий не было, максимум четыре этажа, да и то в самом центре. В принципе это было нормально, да только отсутствовали столбы с проводами, хотя витрины магазинов светились всеми цветами радуги. Помимо этого обстоятельства меня смутили машины, проезжающие по широким улицам. Таких средств передвижения мне видеть никогда не доводилось. Слишком они были сюрреалистичны в своём дизайне, и это было очень странно.

К обеду мне до смерти надоело видеть одну и ту же картину, и поэтому я решил просто пойти в городок и во всём самостоятельно разобраться. Выбравшись из густого кустарника, я побрёл туда, куда вела меня дорога. Войдя в город, я, с интересом озираясь по сторонам и временами останавливаясь возле рекламных вывесок, читал надписи, но входить в магазины пока не решался. Людей, кстати, на улицах было мало, и это немного смущало.

Бродил я по улицам часа полтора, пока не вышел на центральную площадь с большим фонтаном и бронзовым памятником изобретателю каких-то транспортных порталов. Что за порталы такие, я, разумеется, не знал, но кое-какие ассоциации из научной фантастики в голове всплыли, хотя особо задумываться на эту тему не хотелось. А очень хоте-

лось сесть на лавку и немного передохнуть, и как раз оказалась подходящая скамейка. Не успев сделать и шага в её направлении, я краем глаза заметил знакомый кабриолет. Машина припарковалась на противоположной стороне улицы, и из неё выбрались Эстель с Кариной. Пришлось немедленно уносить ноги, пока они меня не заметили.

Быстро покинув площадь, я нырнул в первый попавшийся переулок и, пройдя метров пятьдесят, остановился у одной вывески туристической фирмы, специализирующейся на экстремальном туризме. Полуобернувшись, я взглянул на площадь и насилу сдержал вырывающиеся ругательства. Стервозная парочка как раз завернула следом за мной, но так как они были очень увлечены беседой друг с другом, то меня не заметили. Пришлось открыть дверь и войти в офис, где мне навстречу вышел мужчина лет тридцати и вежливым тоном поинтересовался:

– Господин желает испытать себя на диких планетах, борясь за свою жизнь?

– Желаю.

– В таком случае пройдёмте со мной для ознакомления с нашими фирменными предложениями.

В отдельном кабинете менеджер усадил меня в анатомическое кресло и разложил на столе три десятка буклетов с описанием туристических маршрутов. За полчаса пересмотрев предоставленные материалы, я ощутил, как у меня шевелятся волосы, и не только на голове. Турфирма предлагала

с риском для жизни посетить разные планеты. На одной из них даже обитали самые настоящие реликтовые динозавры с ящерами и птеродактилями, от внешнего вида которых делалось по-настоящему дурно, но таких планет, населённых всевозможными чудовищами, было немного. Основная масса буклетов рекламировали планеты, заселённые людьми, только пребывающие в различных исторических эпохах – от каменного века до натурального Средневековья.

Задумчиво потерев щетину, я с болезненным любопытством более внимательно рассмотрел последнюю брошюру с голографическими изображениями планеты под названием Хорта и кратким её описанием. Здесь царила баронская вольница, хотя уже начались формироваться королевства, но они были очень слабы и пока не представляли каких-либо серьёзных государственных образований. Именно это мне подходило больше всего...

Подумав, я посмотрел на менеджера и, помахав буклетом, поинтересовался:

– Уважаемый, подскажите, как я попаду вот на эту планету?

– Разумеется, через портал, – с ярко выраженным недоумением ответил он, глядя на меня чуть округлившимися глазами.

– Хорошо. Теперь меня интересует, сколько продлится путешествие?

– От тридцати дней до бесконечности, правда, на той пла-

нете никто из туристов за всю историю нашей компании не продержался более трёх лет. Там очень опасно для жизни цивилизованного человека. Максимальная цена путёвки – сто двадцать две тысячи лир. Это не считая дополнительного снаряжения. Кстати, я обязан вас предупредить: любой человек, побивший рекорд длительности пребывания на этой планете, получит вознаграждение от букмекеров ровно в один миллиард лир. Желающих получить эти деньги было много, но ни один из претендентов так и не смог продержаться положенное время.

Деньги меня не интересовали, мне хотелось как можно быстрее покинуть это местечко, поэтому я сразу приступил к уточнениям:

– Скажите, в случае, если мне потребуется прервать своё туристическое путешествие...

– Я вас понял, можете не продолжать. На вашу левую руку будет надет золотой браслет-маяк. Если его сорвать, незамедлительно прибудет спасательная экспедиция и вас эвакуирует, невзирая на ваше желание остаться. Таков закон об экстремальном туризме, и нарушать его мы не вправе.

– Пожалуйста, ознакомьте меня с перечнем дополнительного снаряжения.

Менеджер достал из офисного стола папку, с дежурной улыбкой протянул её мне и отступил на пару шагов, предоставив возможность самому выбрать всё то, что посчитаю необходимым для длительной экскурсии.

Вынув прайс-лист, я взгляделся в перечень и произвольно крикнул. Цены были просто заоблачные, но даже не это произвело впечатление. Первым в списке стоял человекоподобный андроид в полном воинском снаряжении и с конём-роботом в придачу. Один такой комплект стоил аж семь тысяч лир. Кроме всяких полезных мелочей в списке были кареты, телеги и даже бронзовые пушки с аркебузами. Всё это удовольствие тоже стоило недёшево, особенно карета.

– Я возьму семь андроидов в полной боевой комплектации, пушку с конной упряжью и пятью канонирами, а также десяток аркебуз и столько же арбалетов. Запас пороха и тройной боекомплект к оружию с телегой и возницей, да ещё одну запасную лошадь лично для себя. Помимо этого, мне понадобится продовольствие на семьдесят дней. Больше мне ничего не требуется... Хотя нет, ещё я возьму камнетёсный инструмент, а также топоры, пилы, молотки, верёвки и гвозди с двумя мотками стальной проволоки.

– Вы абсолютно уверены?! – глядя на меня, как на сумасшедшего, поинтересовался менеджер и тут же пояснил: – Прошу прощения, но все предыдущие путешественники снаряжались куда серьёзнее, чем вы. Может, вы возьмёте побольше боевых андроидов? В конце концов, от этого зависит ваша жизнь. Да, я забыл вам озвучить статистику, думаю, услышав её, вы согласитесь обеспечить своё путешествие куда более основательно. На этой планете погибает тридцать восемь процентов туристов. Спасательная операция далеко

не всегда заканчивается благополучно. Это самый высокий процент несчастных случаев среди любителей экстрима.

Весёлая перспектива, однако! Да только и денег у меня больше нет ни копейки. Как раз в двести тысяч лир и уложился, а других взять неоткуда, разве что в особняк возвращаться, но что-то нет у меня такого желания.

– Нет, спасибо, указанного мной снаряжения вполне достаточно.

Менеджер неодобрительно покачал головой, но перечить клиенту не стал. Открыв верхний ящик, он достал стандартный бланк договора и попросил представить документы, удостоверяющие личность, необходимые для заключения контракта. Покопавшись в портфеле, я извлёк паспорт и передал ему. Представитель туристической компании сноровисто вписал мои данные и передал два одинаковых листа с мелко отпечатанным шрифтом. Прочитав текст и не найдя подвоха, я поставил две подписи и, сложив свой лист пополам и сунув его в портфель, поинтересовался:

– Скажите, когда я смогу отправиться на эту планету?

– Если хотите, можете хоть прямо сейчас.

– Давайте, отправляйте.

– В таком случае прошу проследовать за мной.

В сопровождении менеджера я спустился в цокольное помещение, где мне выдали заказанное снаряжение и помогли натянуть на себя доспехи. С непривычки они показались мне до хваса тяжеленными, но делать нечего: надо – значит,

надо. Прицепив на бок саблю, я взялся проверять боевых андроидов с лошадьми и боеприпасами к бронзовой пушке. Провозившись с инвентаризацией более двух часов, убедился в его надлежащем количестве и собрался немедленно отправляться на Хорту, но меня задержал менеджер, передав толстую книгу с описанием местных порядков вместе с инструкциями, после чего дал последний инструктаж:

– Управление андроидами простое. Они выполняют исключительно ваши команды. Неповиновение абсолютно исключено. В случае вашей гибели они самоуничтожаются, то же самое происходит в момент эвакуации с планеты. Да, и вот ещё что... Из портала вы выйдете посреди лесостепи. До ближайшего поселения людей – пять дней пути. И пока не изучите инструкцию, настоятельно рекомендую не общаться с аборигенами. Они очень коварны и готовы при первой же возможности воткнуть нож в спину или подсыпать смертельный яд в пищу. Одним словом, будьте предельно бдительными, опасность таится буквально везде и от каждого.

– Спасибо, я обязательно учту.

– Это ваша жизнь, и только вам решать, как ей распорядиться. Да, чуть не забыл, вам полагается небольшой презент от нашей туристической компании.

Менеджер, извинившись, удалился в соседнюю комнату, но пробыл там совсем недолго и, вернувшись, вручил мне кожаный мешочек. Развязав шнурок, я заглянул в него и грустно усмехнулся. В кошеле лежали монеты, десятка два

серебряных и одна золотая, остальные были медными.

– Я так понимаю, это на первое время, чтобы копыта сразу не откинуть?

– Простите, что откинуть?! – непонимающе глядя на меня, поинтересовался менеджер, силясь сообразить, что такое заумное он услышал.

– Не бери в голову, парень, давай уже поскорее отправляй меня на Хорту, и дело с концом.

– Желание клиента для нас закон. Прошу садиться на вашего коня, и мы вас незамедлительно переправим на выбранную планету.

Я закрепил к седлу заводного коня сумки, а вот портфель оставил при себе, совершенно не желая с ним расставаться даже на секунду. С горем пополам забравшись на своего коня, я прижал к себе семейные реликвии и махнул рукой, давая застывшему невдалеке менеджеру сигнал о готовности перенестись на эту самую Хорту. Мужчина согласно кивнул и, подойдя к какому-то рубильнику, резко дёрнул его вниз...

Глава 3

Открыв слезящиеся глаза, я огляделся по сторонам и при- свистнул от удивления. Я находился на каменной плите у подножия огромного камня, или даже скалы, а впереди меня, куда ни кинь взгляд, расстилалась степь с пожухлой от солнца травой, среди которой виднелись разновеликие островки деревьев. Постояв некоторое время на месте, я направил своего андроидного жеребца, которому дал имя Бурый, к одному леску, находящемуся от меня в трёхстах метрах, а за мной следом тронулся мой инвентарь, совершенно не отличимый от живых людей и лошадей.

Проехав метров двести, я от нечего делать обернулся и, к своему ужасу, увидел отчётливо оставляемый след. Чертыхнувшись про себя, я был вынужден несколько изменить маршрут, направив куцую колонну на каменистую проплешину, и вот там пришлось мудрить, запутывая за собой следы. Чисто теоретически я знал, как это делается, да только в реальной жизни эта самая теория частенько расходится с практикой, но всё же с горем пополам мне удалось проложить ложный след и расположиться в густом леске неподалёку от того места, где я появился на Хорте. Загнав вглубь андроидов, я скрытно устроился на опушке, с которой хорошо просматривалась площадка с порталом, и обустроил в этом месте бивак. Зачем мне нужны были такие сложности в столь

уединённом месте, я, честно говоря, и сам толком не знал, но что-то мне настойчиво подсказывало: поступать следовало именно таким образом. Вот и пришлось уступить своей паранойе, нежели от неё же постоянно ощущать дискомфорт.

Устроив себе знатную лежанку, прикрытую невысоким кустарником, я завалился на неё, открыл довольно толстую книгу с описанием местных порядков и углубился в чтение. Прочитав несколько страниц, я сразу сообразил, что в баронствах мне показываться ни в коем случае нельзя, непременно прибьют и фамилии не спросят. В местной воинственно-аристократической и в значительной степени анархической системе бытия мне ловить пока было нечего. Воин, по местным критериям, я вообще никакой. Толком в конном строю рубиться не умею да и с саблями управляюсь кое-как. Шашкой могу, но это холодное оружие совершенно не предназначено для фехтования, только для нападения, а это значит – надо поселиться где-то на отшибе и постепенно изучать окружающий мир и порядки, царящие в нём, а заодно познавать воинское мастерство.

До вечера прочитав примерно половину талмуда, я ещё крепче утвердился в своём первоначальном выводе. Не стоило мне лезть в цивилизованные места и уж тем более мнить себя породистым аристократом. Всех этих политесов я не знаю, и даже если выучу, то всё равно, естественно, изображать не смогу, а это уже серьёзный повод для дуэли, на которой я вообще не имею даже малейшего шанса одержать по-

беду, только с позором проиграю и, весьма вероятно, лишусь жизни.

Пролистав книгу до конца, на последней странице я обнаружил политическую карту и внимательно в неё всмотрелся. По какой-то непонятной мне причине, на ней был изображён только один материк, да и то небольшой, на котором присутствовали десяток небольших королевств и множество разновеликих баронств. Многие из этих независимых баронств были намного больше самых крупных королевств. Были ещё и герцогства с графствами, но сейчас выяснять, в чём их разница, мне, откровенно, не хотелось, меня больше волновало, куда лучше всего самому податься, и после некоторых размышлений я такое место нашёл. Судя по карте, примерно в пятистах километрах отсюда находились пустующие земли, от которых до ближайшего баронства было более двухсот пятидесяти километров. Там была широченная река, по которой иногда проходили торговые караваны. Для себя я выбрал одну достаточно большую излучину реки с перешейком метров в сто, на карте обозначенную как свободные земли. Очень удобное место как для жизни, так и для обороны, да и удрать оттуда не составляло особого труда. Вот туда я и собрался направиться на следующий день, обходя стороной поселения людей.

Захлопнув книжку, я потянулся и совершенно неожиданно услышал вдалеке несильный хлопок. Быстро перевернувшись на живот, я схватил морской военный бинокль и стал

обшаривать окружающее пространство. И каково же было моё удивление, когда на той самой каменной плите оказались люди на нескольких телегах. Эта колонна двинулась вперёд прямо по моим следам, оборвавшимся на каменной проплетине. Порыскав немного, они вновь обнаружили след и направились по нему, но, слава богу, он был ложным. Продолжая всматриваться в людей, я вначале подумал, что это очередные туристы, но только до тех пор, пока не разглядел их более близко. Мужиков в камуфляже стандартного армейского покроя было двадцать три человека, вооружённых хорошо мне знакомыми охотничьими ружьями, но пятеро имели карабины СКС, а у одного имелась даже оптика. Когда эта нагруженная колонна оказалась в ста метрах от меня, я чуть не выронил от изумления бинокль. На одной из телег сидела моя бывшая жена Светлана со своим новым хахалем. Вот уж не думал я их вообще когда-нибудь вновь увидеть! А вереница телег потихоньку от меня удалялась, пока окончательно не исчезла из виду.

Отложив в сторону оптику, я поднялся и хотел было немного размяться, но в этот момент опять прозвучал знакомый хлопок. Мгновенно отреагировав, я упал на лежанку, снова схватил бинокль, посмотрел на плиту и обомлел: там стояла целая средневековая армия с очень большим обозом. Находилась она на месте минут пять, а затем вся эта машина с немалым скрипом и грохотом двинулась по оставленным следам. Шли они чётким строем, и я сразу догадался,

что это андроиды. Конных оказалось двести пятьдесят единиц, а пеших воинов так и вообще не менее семисот, да ещё при восемнадцати пушках. Впереди этой компании двигался один знаменосец, на ярко-красном полотнище которого красовалась чёрная пантера в прыжке. Но больше всего меня поразила здоровенная позолоченная карета, запряжённая четвёркой лошадей. Внимательно взглядевшись в застеклённое окошко, я увидел лица пассажиров. Это были Эстель с Кариной...

– Сбежал, называется... – поскрипывая зубами, пробубнил я себе под нос, совершенно не понимая, что мне теперь делать.

Припомнив прайс-лист, предоставленный менеджером туристической компании, и прикинув, в какую сумму обошлась для Эстель эта экспедиция, я немного ошалел. По самым скромным прикидкам получалось более семи миллионов лир, хотя, надо признать, с её стороны это очень даже красивый ход. Ликвидировав меня на этой планете под видом местных, она на вполне законных основаниях станет полноправной наследницей какой-то там компании с капитализацией более девяноста миллионов лир, только почему с ней нет Генри, а только матёрая профессионалка Карина, было совершенно непонятно.

– Кругом одни охотники за моей непутёвой головушкой. Одной стерве требуется моя жизнь, а другой – родовые обереги в виде серебряной подковы и медного коловорота, вер-

нее, не моей бывшей, ей как раз они без надобности, а вот её новому хахалю очень даже интересны. Любопытно бы узнать, что это за предметы такие, ведь неспроста же он устроил за ними охоту, да и вообще, кто он такой на самом деле, не мешало бы выяснить, вот только где и у кого – большой вопрос...

Дождавшись, когда моя жёнушка со своей армией скроется за горизонтом, я поднялся с лежанки и, свернув барахлишко, вместе с андроидами покинул лесок, устремившись в пустынные земли, но совсем в другую сторону от преследователей. Путь был неблизкий, но его необходимо было преодолеть как можно быстрее.

Изначально я думал уложиться в десять суток, проезжая по пятьдесят километров в день, но после первых десяти километров, основательно отбив свою пятую точку, вынужден был остановиться на привал. На лошадях я, конечно, время от времени катался, но недалеко, а тут сразу такое путешествие... Болело буквально всё тело, а в особенности ноги вкуче с тем местом, откуда они растут, да и спина стала деревянной, словно кол. Пришлось задержаться на пару дней для отдыха и только после этого продолжить путь, постоянно сверяясь с картой.

За пятнадцать дней путешествия я более или менее освоился в седле, правда, о размахивании саблей не могло быть и речи. Нет, я, конечно, попробовал пару раз, но быстро оставил эту затею и взялся за семейную казачью шашку образ-

да 1881 года. Когда-то терские и кубанские казаки переняли у адыгов не только боевые привычки и тактику, но и вооружение с кавалерийской подготовкой и одеждой, талантливо переделав всё под себя. Постепенно кавказская шашка претерпела серьёзные изменения, получив незначительный изгиб и став более массивной. Именно она и вытеснила саблю в Российской армии, кроме гвардейских и гусарских полков. Вообще шашка не предназначена для обороны и профессионального фехтования. Это холодное оружие рассчитано для внезапного нападения и нанесения молниеносного удара, который чаще всего и решал исход схватки.

Прицепив на левый бок шашку и резко выхватив её, я взмахнул раз, другой и сразу понял: никакая сабля мне больше не нужна. Шашка именно то, что требуется. Особо изощрённой техники владения этим оружием не требовалось, так как состояла она из нескольких простых, но действенных ударов. Об этом я и раньше знал, но как-то чисто умозрительно, и только как следует помахав саблей, по-настоящему ощутил, в чём она отличается от шашки. Настроение резко улучшилось, и дальнейшее моё путешествие проходило хоть и не быстро, но интересно, так как я регулярно отрабатывал выхватывание шашки из ножен и удары с уколами. С каждым днём у меня это получалось всё быстрее и резче. Конечно, до эталонного мастерства мне было ещё очень далеко, но определённый прогресс уже был налицо, и это вдохновляло.

Уже под самый вечер двадцатого дня пути, выискивая

подходящее место для ночёвки, я впервые за прошедшие две с лишним недели заметил на горизонте какое-то движение. Спрятавшись за высоким кустарником, взгляделся в бинокль и увидел вдали десятка два нагруженных телег, а рядом с ними некоторое количество аборигенов в грязных рваных рубищах. Подумав, я решил к ним подъехать и пообщаться, всё равно рано или поздно это случилось бы, так почему не сделать это сейчас?

Прежде чем выбраться из своего укрытия, я дал имена боевым андроидам, кляня себя за то, что не сделал это раньше, и только после этого направил своего коня в сторону местного населения. За мной неотступно следовала куцая колонна, в конце которой плелась телега, нагруженная доверху боеприпасами к пушке и продовольствием. Заметили меня не сразу, так как заходящий за горизонт солнечный диск был у меня за спиной, и это позволило подойти к людям на достаточно близкое расстояние. Увидев небольшую колонну конных воинов, да ещё и с пушкой, аборигены занервничали, но уже что-либо предпринимать было поздно, и они остановились, отдав себя на милость неизвестных вооружённых людей.

Остановившись от них в паре десятков метров, я с любопытством оглядел замерших в тревожном ожидании беженцев, а это были именно они и никто другой. Живых душ в этом караване было чуть более пятидесяти, в основном женщины с детьми и старики. Мужчин мало, всего семеро, да и

те имели ранения: у кого рука перевязана, у кого нога. Одежды все были в холщовые обноски, носившие следы пожара. В общем, типичные беженцы, пустившиеся в дорогу в поисках лучшей жизни.

– Кто такие?! – грозно поинтересовался я, выждав некоторую паузу.

Вперёд вышел пожилой мужчина с длинной седой бородой и, низко поклонившись, смиренно ответил на мой вопрос:

– Господин, мы второй день как бежим от войны. На земли нашего барона Вейхарта пошёл войной граф Базак со своими вассалами, и его войска сжигают всё на своём пути. Мы просто были вынуждены бежать куда глаза глядят.

– Кто ты такой?

– Я староста деревни, вернее, что от неё осталось...

Староста явно что-то недоговаривал, но мне до этого дела не было, меня заинтересовали его слова о войне. Судя по карте, до ближайшего баронства было не менее шестидесяти километров. Кто-то определённо врал – старик или карта, и это надо было выяснить прямо сейчас. Спрыгнув с коня, я подошёл к старосте и, строго глядя на него, поинтересовался:

– Где находятся владения барона Вейхарта?

– В двадцати пяти километрах отсюда, если идти на северо-восток, только я не советовал бы вам туда ехать, это слишком опасно. Дезертиры, сбившись в ватаги, грабят и убивают всех, кто им попадается на глаза. Мы лишь чудом проско-

чили в степь. В степи, конечно, можно нарваться на диких степняков и попасть в рабство, но уж лучше рискнуть, нежели быть зарезанным, как скот.

– Здраво рассуждаешь, староста. Тебя, кстати, как величать?

– Веринომ родители нарекли, – с чувством собственного достоинства ответил старик, с любопытством рассматривая меня и моё небольшое воинство.

– Верин, а давно ли баронство Вейхарт в тех местах появилось?

– Да почитай уже лет восемьдесят, как прадед нынешнего барона земли те получил во владение, так с тех самых пор и существует.

Услышав его ответ, я задумался. По всему выходило, отпечатанная карта слишком устарела и не соответствовала текущему положению дел. Как минимум за восемьдесят лет много воды утекло, появились новые баронства, а отсутствие в толстой инструкции упоминаний о каких-то степняках всерьёз насторожило. Ох, неспроста туристическая компания старьё подсунула... Уж не в интересах ли жадных букмекеров, нежелающих выплачивать миллиард лир победителю, подсовывается туристам откровенная лажа?

– Ну что же, староста, не буду вас больше задерживать и желаю счастливого пути.

– Подожди, воин, может, ты нас в услужение к себе возьмёшь на полгода? Мы люди справные и долг всей деревней

непрерывно работаем.

– Ты хочешь, чтобы я провёл твоих людей через степняков? – в лоб заинтересовался я, обдумывая, стоит ли мне браться за это дело или нет.

– Да, ведь мы сейчас на их земле находимся.

Вот так-так... а староста действительно далеко не дурак. Быстро сообразил, как извлечь пользу для жителей своей деревни, при этом не заплатив денег, которых, скорей всего, у него и не было. Однако дикие воинственные кочевники – это серьёзно, если сядут на хвост, без боя не обойдётся. С одной стороны, малой группой скрытно передвигаться легче, а с другой – от противника большой компанией отбиваться сподручнее. М-да-а... дилемма, однако. Хотя, если честно, тут и думать особо нечего, крестьянам помочь надобно, сами они вряд ли смогут через степняков пройти и непременно угодят в рабство, а мне это не по душе. Рабство, как ни крути, дело мерзкое.

– Хорошо, Верин, я согласен принять твоё предложение, но у меня будет одно условие...

– Воин, я тебя внимательно слушаю.

– Вы пойдёте со мной к Большой реке и поможете в одном деле. Как сделаете, можете быть свободными, если захотите, конечно.

– Большая река... Слыхивал о такой, старики рассказывали, но бывать там никогда не доводилось. Раньше ещё прадеды туда частенько за рыбой вкусной хаживали, но после

появления степной орды все пути оказались отрезанными, – задумчиво проговорил староста и, оглядев своих притихших людей, кивнул: – Хорошо, воин, мы пойдём с тобой к Большой реке и будем помогать, но только полгода.

– Договорились.

Заклучив соглашение со старейшиной деревни, я отправил в передовой дозор двоих конных андроидов и, пристроив в конец обоза свою телегу с пушкой, отдал команду трогаться. Двигались мы не быстро, и по мере углубления в степь наша скорость только замедлялась, так как время от времени на горизонте с завидной регулярностью стали появляться небольшие группы всадников. Всякий раз, как это случалось, приходилось останавливаться и, используя складки местности, маскироваться, но было件нятно, что стычка с ними рано или поздно произойдёт. Пришлось снарядить магазины всех пистолетов, в особенности «Астры 903», перекинуть через левое плечо деревянную кобуру, служившую ещё и пристёгивающимся прикладом, и максимально усилить бдительность.

На пятый день нашего совместного путешествия я принял решение двигаться только ночами, а днём хорониться в оврагах и расщелинах. На некоторое время это помогло, но под вечер девятого дня одна из групп всё-таки заметила наш караван и, дико завывая, бросилась в нашу сторону. В спешном порядке поставив телеги в круг и загнав внутрь крестьян, я схватился за «астру» и, пристегнув приклад-кобуру, открыл

прицельный огонь. Смертоносная машинка оказалась очень точной и за каких-то пару минут я уложил две трети всадников, остальных добили мои боевые андроиды. Нападавших было около сорока, а вот лошадей оказалось раза в два больше. Отправив крестьян собирать трофеи, я быстро перезарядил опустевшие магазины и стал внимательно осматривать горизонт. Как оказалось, не зря. Вновь появились степняки, привлечённые необычными для них звуками, и, заметив нас, тоже незамедлительно понеслись на нас, только на этот раз их было раза в три больше.

Отступать было совершенно некуда, всюду, куда ни кинь взгляд, была выжженная солнцем степь. Надо было опять принимать бой. Отдав команду зарядить оружие картечью и выждав, когда противник приблизится на дистанцию в триста саженей, я отдал команду вести по нему беглый огонь. Как только прозвучал первый оружейный выстрел, я выстроил в линию всех своих семерых конных андроидов, а когда сильно прореженная орда оказалась от нас в ста пятидесяти метрах, приложил приклад «астры» и открыл одиночный огонь по стремительно приближающимся степнякам. Они будто не замечали своих потерь, продолжая нестись вперёд, размахивая изогнутыми саблями, и мне пришлось перевести флажок на автоматический огонь, но такой режим очень быстро опустошил все магазины, а снаряжать их времени не было, кочевники уже совсем близко. Отбросив в сторону тяжёлый пистолет, я схватился за ТТ и продолжил в бешеном

темпе стрелять. Когда степняки оказались в тридцати метрах, последний картечный выстрел снёс две трети нападавших, и к нам доскакали только человек пятнадцать, которых мои боевые андроиды уничтожили в течение пары минут.

Бой окончен. Мне так и не довелось помахать своей шашкой, да это и к лучшему. Мне ещё было необходимо как следует потренироваться и отработать базовые приёмы, в противном случае жить мне останется совсем недолго...

Оглядев учинённое побоище, я вызвал старосту и распорядился собрать трофеи и согнать в табун степных лошадей, бродящих среди тел их бывших хозяев, а сам стал подбирать латунные гильзы. Они могли ещё не раз пригодиться. Патронов в этом мире взять неоткуда, а исходя из только что произошедшего сражения, мне их хватит ещё на пару-тройку раз, и можно будет смело спрятать куда подальше пистолеты с револьвером за ненадобностью и переходить на громоздкие аркебузы и пистолы местного производства.

Весь вечер мы собирали, перекладывали и упаковывали трофеи, которых оказалось на удивление много. Нам досталась целая гора разномастных сабель с короткими пиками и луками, а также пара десятков ружей, но больше всего было осёдланных лошадей. После пересчёта их оказалось чуть больше двух сотен. Оно и понятно почему. Каждый степняк имел не менее одной заводной лошади. Сначала мне подумалось отпустить их на волю, но староста Верин убедил этого не делать, а, нагрузив их трофеями, продолжить путь к

Большой реке, до которой оставалось всего пара ночных переходов.

– Воин, возьми собранные с убитых степняков деньги.

Взяв четыре кожаных мешочка и заглянув в один из них, я увидел серебряные монеты. Хмыкнув, взглянул в другие. В двух находились медные, а в одном золотые кругляки разных размеров. Скорее всего, хозяйственные крестьяне значительную часть денег присвоили себе, но и того, что перепало мне, было немало. Конечно, я не знал местных цен на товары, но думаю, этих денег мне на первое время хватит, а дальше будет видно.

Следующие два ночных перехода оказались абсолютно спокойными, хотя я постоянно ожидал ещё нападения, но его к нашей всеобщей радости не случилось. Под утро вторых суток мы без приключений вышли к реке и погнали лошадей на водопой. Пока крестьяне занимались табуном, я изучил окружающую местность, сравнил её с имеющейся картой и понял, что мы немного отклонились от маршрута. До большой речной излучины надо было идти ещё не менее трёх дней, хотя могло быть и куда больше, если учитывать несоответствие карты с действительной местностью.

Моё предположение оказалось верным, нужная мне излучина показалась только на седьмой день нашего путешествия вдоль реки. Остановив коня на взгорке, я обозрел окрестности и пришёл в восторг от увиденного. Русло реки оказалось намного более выгнутое, чем было отмечено на карте, ко-

торой я уже особо не доверял. Место в стратегическом плане было очень удобным. Оставалось только удивляться, почему здесь люди до сих пор не жили, хотя, скорее всего, этому препятствовали дикие кочевники, плотно перекрывшие подступы к Большой реке. Здесь хоть и была степь, но скорее она тут и заканчивалась, так как деревьев на этой земле росло немало, да и кое-какие скалы имелись, главным образом у горловины излучины. Если бы не они, вода давно смыла бы перешеек, образовав большой речной остров. В общем, мне это место понравилось, и для моих целей подходило как нельзя лучше, и если бы не дикие кочевники, можно было бы спокойно наслаждаться жизнью, да только мне в это совсем не верилось. Жёнушки мои уж точно не дадут долго пребывать в праздности, а значит, надо было работать и работать много, иначе скальп с меня как пить дать снимут.

Спустившись с горки, я отдал команду, и караван вместе с навьюченным табуном двинулся к излучине, а спустя три часа мы оказались на месте. Сняв трофеи с лошадей, крестьяне отпустили их на выгул и занялись обустройством на новом для них месте. Оставив с ними возницу с телегой и пушку на конной тяге, я отправил конных андроидов на разведку местности, а сам поехал по излучине общей площадью в несколько квадратных километров. Место было дикое, но иногда попадались места, пригодные для стоянок небольших кораблей, правда, удобных гаваней было всего две. Собранной информации хватало для размышлений. Река была су-

доходной, правда, не особо оживлённой, но всё равно кто-то и куда-то по ней ходил. Опасно для меня это было или нет, ещё предстояло выяснить, а пока основная угроза исходила из степи, и этим вопросом надо было заниматься в первую очередь...

Вернувшись к перешейку, я ещё раз огляделся и понял, что строительных материалов для возведения мощной оборонительной стены достаточно, и, подозвав старосту, прошёл с ним и показал будущий фронт работ. Верин сразу уловил мою задумку и полностью её поддержал, пообещав начать строительство, как только они построят жилые дома и сараи.

– Сколько времени потребуется на возведение домов? – поинтересовался я у него.

– Если только из самана, то неделю, а если обкладывать камнем, то недели за три, наверное, управимся.

– Обязательно камнем обкладывайте. Дома должны быть непременно крепкими и добротными, способными выдержать осаду, а стеной пока буду заниматься я со своими бойцами.

– Как скажешь, воин, – с поклоном ответил Верин и, огладив седую бороду, испросил разрешения немедленно донести до людей моё требование.

– Иди, староста.

Проводив взглядом резвого старичка, я подозвал к себе троих канониров с возницей и распорядился натаскать как можно больше камней, и, когда они принялись исполнять

мой приказ, взялся за чертёж будущей крепостной стены. Припомнив просмотренный мной небольшой документальный сериал о французских крепостях, я взялся за блокнот и начал делать наброски будущей крепостной стены, способной выдержать артиллерийский обстрел. Общие черты я нарисовал быстро, а вот в деталях запутался. Непростым это дело оказалось. Нужно было поразмыслить, как построить крепостную стену с воротами и смотровыми башнями.

Обдумывая элементы будущей конструкции, я мимоходом вспомнил о старосте и в который раз подивился его практичности. Случайно встретив меня, он, прекрасно понимая, что пройти через степь не удастся, решил воспользоваться моей охраной, дав слово в течение полугода отработать свой долг и уйти. На самом деле Верин с жителями своей деревни от меня уходить не собирались, они просто не хотели повесить себе на шею ещё одного латифундиста. Если бы это было не так, они ни за что не стали бы строить для себя капитальные жилые дома, обойдясь обычными камышовыми шалашами.

Провозился я с чертежом будущей крепостной стены целую неделю, вконец изломав мозги, но в результате у меня получилась вполне приличная схема. За то время, пока я занимался расчётами, крестьяне успели возвести стены своих будущих жилищ и уже начинали обтёсывать топорами стволы деревьев, предназначенных для постройки крыш. Работёнка была ещё та, пожалуй, даже посложнее, чем сооруже-

ние каменной кладки, хотя кому как, но мне уж точно. Одними топорами и примитивными стамесками с киянками вырубать в будущих стропилах стыковые соединения действительно было очень и очень непросто.

Посмотрел я на это дело да и решил прокатиться по округе с целью изучения близлежащих местностей. Запрыгнул на своего андроидного коня и не торопясь поехал, внимательно посматривая по сторонам. Поездка оказалась полезной, так как мне удалось в нескольких километрах от излучины обнаружить залежи природной извести. Её, конечно, нужно было ещё гасить в чанах, но это уже было мелочью, так как без извести невозможно замешать раствор. Одним словом, строительные материалы были буквально под рукой, то есть далеко за ними ездить не надо.

На следующее утро я, взяв верёвку, отметил будущий фундамент защитной стены и велел андроидам выкопать траншею глубиной в два метра и шириной в три. Когда они приступили к работе, я задумался об острой нехватке верёвок, которые в самое ближайшее время должны были потребоваться в большом количестве. Пришлось припомнить старую как мир технологию их изготовления из крапивы. Она на самом деле не очень сложная, но довольно трудоёмка, так как обработка включает в себя несколько этапов. Сначала надо крапиву собрать, обчистить, а затем вымочить. После этого идёт сушка, мятьё и обминание, трепание и ошмыгивание с чесанием волокон, и только затем из полученного ма-

териала плетут верёвку. Есть способы и попроще, но в этом случае потребуется хоть и меньше инструментов, но волокно получится гораздо грубее и не такое крепкое. Подумав немного, я отправил возницу вместе с телегой на поиски крапивы.

В общем, дел было невпроворот...

Глава 4

В делах и заботах я и не заметил, как пролетел первый месяц пребывания на этой планете, и надо сказать, задуманное мной медленно, но верно воплощалось в жизнь. Крестьяне, отстроив жилища, активно включились в строительство крепостной стены, правда, не все. Некоторая часть занялась огородами, на которых уже начали появляться первые побеги. Помимо этого, староста озадачил одну семью построить коптильню и наладил её снабжение свежевывловленной рыбой. Так что проблем с продовольствием не было, да и в нескольких километрах от базы имелись небольшие залежи соли, что позволило начать консервировать дары Большой реки на зиму. Река, кстати, буквально кишела разной рыбой, и улов всегда был богатым, а вот судоходство на ней, как ни странно, оказалось совсем скудным. Корабль появлялся примерно раз в две недели, и всякий раз, когда такое событие случалось, капитан, заметив наши движения, спешил как можно скорее пройти мимо излучины, держась другого берега. Похоже, места здесь были не очень спокойные...

Несмотря на все эти тревожные знаки, я вместе с крестьянами трудился как проклятый на возведении крепостной стены, но она росла очень медленно, и всё из-за известкового раствора, скрепляющего камни. Слишком долго он высыхал. Во всяком случае, фундаментную основу мы под-

готовавливали в течение трёх недель и только неделю выкладывали саму стену. На сегодняшний день крепостная стена не превышала одного метра над землёй, но и это уже можно было назвать настоящим трудовым подвигом. Таскать и укладывать камни, скрепляя их раствором, было нелегко, но ещё сложнее стало, когда фундамент сравнялся с уровнем земли. Внешняя сторона из камней была с метр толщиной, а внутренняя получалась полуметровой толщины. Внутреннее пространство мы заполняли глиной и укрепляли балками из морёной древесины, выловленной в реке. Конечно, долговременной осады с применением артиллерии данная конструкция не выдержит, но для начала этого вполне хватало. По крайней мере, от степняков тут отбиться можно было без особых проблем, а вот от большого профессионального войска какого-нибудь богатого барона или графа не удастся. Да и сил для этого, собственно, не было, и если таковое неожиданно заявится, останется только бежать в неизвестность на лодках вниз по реке.

Задумавшись над этим, я был вынужден честно признаться самому себе, что на самом деле мне здесь с таким маленьким количеством людей долго просидеть не получится. Надо было увеличить число обитателей излучины как минимум в десять раз, а где их взять – большой вопрос...

На следующий день я оставил артиллерийскую прислугу для охраны работающих на возведении крепостной стены и, забрав всех своих конных андроидов, направился в

длительный разведывательный поход. Цель была проста: мне хотелось реально изучить окружающую территорию и, если удастся, найти людей для излучины, которую я давно решил назвать Хортицей. Как-никак самое подходящее название для будущей казачьей вольницы, способной перегрызть глотку любому покусившемуся на её волю.

Ехал я вдоль реки, на этот раз в ту сторону, где мне ещё быть не приходилось. Первые четыре дня мой путь был уныл и однообразен, но на пятый на горизонте начали появляться небольшие группы степняков. Шестой день прошёл в точности так же, как и пятый, за исключением того, что начал накрапывать небольшой дождик, а вот на седьмой я заметил на горизонте длинную пешую колонну, сопровождаемую степняками. Крайне осторожно я приблизился к ней и, прикрывшись кустарником, внимательно разглядел её в бинокль. То, что мне открылось, очень не понравилось. Степняки куда-то гнали примерно триста молодых мужчин и женщин. Зрелище было крайне неприятным и омерзительным по своей сути, но как-то помочь пленникам я не мог, слишком много в конвое было степняков. Подумав, я решил проследить, куда ведут людей, и, выдерживая приличную дистанцию, ехал за ними десять дней, пока не появился довольно большой город с огромным портом в устье Большой реки, впадающей в море. Разумеется, я в него не поехал, а, остановившись на одном из взгорков, стал с любопытством рассматривать строения, пока не осознал, что это лишь перевалочная база. Город

был окружён кирпичной стеной высотой метров пять. На ней были многочисленные сторожевые башни, из которых торчали стволы пушек. То есть место достаточно хорошо защищено со стороны суши.

Кстати, степняков в город не пустили, они затолкали живой товар в загоны недалеко от ворот, после чего началась жаркая торговля за каждого раба, которая продолжалась до самого заката солнца. Одна группа приводила пленных, другая, уже продав их, покидала торжище, и так по кругу. За день моего наблюдения таких конвоев к городу прибыло три, но самым большим оказался тот, который меня сюда и привёл. Подумал я, подумал и решил понаблюдать за этим городом и рабским рынком несколько дней. Пришлось капитально обустроить своё лежбище и заняться изучением этого нехорошего места.

Целую неделю я внимательно наблюдал за порядками, царившими в городе и на рабском торжище. Чем дольше смотрел, тем больше у меня в душе возникало чувство омерзения, но так как я ничего сделать не мог, приходилось и дальше наблюдать за этим со стороны. Степняки регулярно пригоняли пленных, правда, не каждый день и количество их сильно варьировалось, но за неделю моих подсчётов в загонах накопилось около тысячи человек.

На седьмой день моего наблюдения на море показалась группа кораблей под парусами, и спустя пять часов в них уже грузили рабов, причём делали это надсмотрщики в самой

жёсткой форме. Людской затыжной вой долетал даже сюда. Я ещё некоторое время посмотрел и стал сворачивать своё логово. Делать мне здесь больше нечего. Об освобождении рабов из загона можно было и не помышлять в ближайшее время. Вернее, проникнуть в загон не составляло труда, да уйти не получится, обязательно поймают. Самой разумной тактикой в моём случае была охота на малые группы степняков, конвоирующих пленных в город с неизвестным названием. Другого способа пополнить людьми Хортицу я, откровенно говоря, не видел.

Собрав вещички, я погрузил их на заводного коня и, прежде чем покинуть узкую расщелину, ещё раз забрался на взгорок, оглядевшись по сторонам. В степи никого не было... С досады хлопнув себя по лбу, я тихо выругался и задумался. За неделю моего наблюдения за городком к нему, кроме степняков, никто не подходил, и это было странно, а если учитывать, что в городе живут далеко не степняки, странность эта начинала выглядеть крайне подозрительно.

Прежде чем дать команду на возвращение, я на всякий случай взялся за толстый талмуд с инструкциями, выданный в туристической компании, но, как ни пытался найти что-нибудь толкового относительно этого городка работорговцев, ничего не нашёл. Не было в этой книге даже малюсенького упоминания или ссылки. Судя по карте, здесь было абсолютно пустынно, да и вообще это была необитаемая глухомань на окраине небольшого материка.

В очередной раз ругнувшись и помянув недобрым словом организаторов экстремального туризма, я спустился в расщелину и, засунув книгу в дорожную суму, направился в сторону Хортицы, но уже по другому маршруту, далеко углубившись в степь.

Ехать в молчании было скучно, особенно на фоне унылого однообразного пейзажа, и, чтобы хоть как-то побороть скуку, я вновь стал отрабатывать приёмы нанесения ударов шашкой по воображаемому противнику. Стало веселее, но не намного. И, чтобы разнообразить дорогу, я задумал выяснять, какими возможностями обладают мои боевые андрюиды. Но из этого ничего толкового не вышло. Они хоть и выполняли команды, но только те, которые могли выполнить обычные люди данной исторической эпохи, правда, зрение, меткость и другие необходимые качества находились на самом пределе человеческих возможностей, не более того. Одним словом, поручать искать месторождения руд и тому подобные дела было пустым делом. Они просто не имели таких функций. В общем, мне, как и прежде, следовало рассчитывать исключительно на себя.

Пару дней я ехал по степи, и, как ни странно, степняки мне не попадались. Это произошло лишь под вечер третьего дня, когда я уже подумывал остановиться на привал. Пришлось спешиться за небольшой возвышенностью и подняться на неё, не доходя до верхушки нескольких метров. Улёгшись за колючим кустом, я всмотрелся в бинокль и увидел

караван. Степняков было десятка полтора, и они гнали около сотни скованных цепями пленников. Подумав, я принял решение напасть на них, тем более они направлялись в мою сторону, где протекал небольшой ручей. По всей видимости, они задумали именно здесь устроиться на ночлег. Приложив приклад к «астре», я дождался, когда они приблизятся метров на пятьдесят, и открыл прицельный огонь. Сначала степняки не сообразили, что происходит, но, поняв, откуда ведётся стрельба, россыпью бросились ко мне. К тому моменту, когда они добрались к подножию холма, в сёдлах оставалось всего шесть степняков, и в этот момент в бой вступили мои андройды. Сделав залп из аркебуз, они отправили всех к праотцам. Поднявшись, я внимательно оглядел место скоротечного боя и, не увидев для себя угрозы, направился к пленникам.

Не доходя до скованных цепью людей пару десятков метров, я взгляделся в их заморенные лица, с насторожённой наблюдательностью наблюдающие за непонятным для них человеком, и громко поинтересовался:

– Откуда будете, бедолаги?

– Кто откуда. Нас из общей колонны выдернули и в походной кузне нацепили вот эти «украшения», – демонстрируя кандалы, ответил мужчина лет тридцати, с длинным шрамом через всё лицо. – Вот и идём неведомо куда уже пятый день. Совсем уморились, ведь всё это время не евши по степи топаям. А вы кто будете, мил человек?

– Кто я такой, спрашиваешь... – протянул я, задумчиво глядя на мужчину, задавшего мне вопрос, на который я ответить не мог даже самому себе, хотя ответить надо было непременно, и я ответил: – Это узнают только те, кто добровольно согласится со мной пойти, остальные вольны идти на все четыре стороны, я никого насильно не держу.

– Да уж, выбор невелик: либо с вами непонятно куда и зачем шагать, либо обратно в рабство к степнякам, – понуро проговорил кто-то из пленников, прячась за спинами братьев по несчастью.

– Это будет только ваш выбор и больше ничей. В общем, решайте сами и постарайтесь сделать это как можно скорее, мне задерживаться здесь не с руки.

Предоставив пленникам самим решать свою судьбу, я вернулся к андроидам, собравшим трофеи, и, поковырявшись в них, нашёл зубило с небольшой кувалдой и наковальней. Сложив инструмент в холщовый мешок, я запрыгнул на коня и неторопливым шагом подъехал к скованным людям. При моём появлении они умолкли, рассматривая мою персону с задумчивостью, причём некоторые с очень большим вниманием посматривали на шашку. Определённо, эти люди имели боевой опыт и с профессиональным интересом изучали незнакомое для них оружие.

Не став затягивать образовавшуюся паузу, я сбросил мешок к ногам одного из пленных и громко порекомендовал самостоятельно освободиться от своих оков. Эта процедура

заняла около трёх часов, и, когда солнце уже заходило за горизонт, я ещё раз поинтересовался, есть ли желающие последовать за мной. Желание было у всех, и в этом ничего удивительного. Шансы добраться до баронств и вновь не попасть в рабство фактически отсутствовали.

– Есть ли среди вас те, кто умеет обращаться с оружием?

– Мы были солдатами у графа Гонзы, – отозвался всё тот же мужчина со шрамом через всё лицо.

– Как твоё имя, солдат?

– Борислав.

– Значит так, Борислав, организовывай дружину и забирай коней с трофейным оружием. Будете охранять безоружных людей вместе с моими людьми, но имей в виду, я не потерплю невыполнение приказа. В случае, если таковое произойдёт, буду сурово карать.

– Мы люди с понятием воинской дисциплины, – серьёзно заявил он, глядя прямо в мои глаза.

– В походе проверим. Кстати, меня можете называть атаман Кудряш.

– Атаман – это титул такой? – наморщив лоб, поинтересовался Борислав, усиленно пытаюсь припомнить, слышал ли он когда-нибудь такое слово.

– Нет, это не титул, это звание. Остальное узнаете на месте, а сейчас занимайтесь делом.

Отдав распоряжение, я вернулся к андроидам, опять поднялся на горку и стал в бинокль рассматривать горизонт,

не желая вновь встречаться с воинственными степняками. На этот раз горизонт был чист, да и дело уже близилось к ночи, а они не очень жаловали путешествовать по темноте, предпочитая это делать днём, с чем это было связано, я не знал и предпочитал, наоборот, идти ночами, чтобы избежать неожиданной встречи с большой ордой, деваться-то в степи особо некуда.

Пока наблюдал за горизонтом, освобождённые пленные разобрались между собой, и те, кто был воином, сноровисто подогнали амуницию и, вооружившись, забрались на небольших, но очень выносливых степных коней. Выстроив в походную колонну остальных бывших пленников, все двинулись в мою сторону. Подождав, когда они приблизятся метров на сто, я отдал команду, и мы двинулись по направлению к Хортице.

Возвращались неспешно, измотанные долгой дорогой люди проходили за ночь километров пятнадцать и под утро валялись от усталости. Прекрасно понимая их состояние, на охоту я отправлял своих андроидов. И на восемнадцатый день мы с горем пополам добрались до облюбованной мной излучины, где уже была наполовину возведена крепостная стена.

Нас заметили издали и поначалу всерьёз забеспокоились, но, разглядев знакомых лошадей, успокоились и выслали делегацию для встречи. Подъехав к ней, я соскочил с коня и, поздоровавшись, поинтересовался у старосты:

– Верин, надеюсь, за время моего отсутствия у вас никаких проблем не было?

– Нет, воин, проблем у нас не было, да и степняки не появлялись, только один раз торговый корабль на ночь на стоянку становился, и мы выменяли на еду швейные иголки, несколько топоров с молотками и четыре пилы. Торговцы обещали на обратном пути к нам заглянуть с новым товаром.

– Случаем, не знаешь, куда они шли? – с любопытством поинтересовался я, предполагая, что корабль направлялся в портовый город работорговцев.

– Так эта... говорили, в устье Большой реки есть очень богатый город, с которым только кочевники дела имеют, а также те, кто по воде к ним иногда заходит, но таких очень мало, так как без ханского ярлыка непременно убьют или в рабство продадут, – ответил старик и с презрением сплюнул на землю.

– И как же этот город называется?

– Я-то сам никогда не слыхивал, что в тех местах какой-то там город имеется, но эти ироды окаянные говорили о нём. Его название Джерсан, а правит в нём великий хан Тугуркан. Ещё говорили, что этот хан вовсе не степняк, а какого-то иного роду-племени. Больше мне об этом городе ничего не известно.

– Ну что ж, для начала и этого достаточно для размышлений о нашем будущем... – тихо проговорил я и, подумав, отдал распоряжение: – Староста, пусть твои люди пристроят

новых людей, они все из полона, так что отнеситесь с пониманием. Как только всё сделаете, постройтесь возле стены, я хочу всем объяснить ситуацию, в которой мы оказались, и что нам предстоит. После этого пусть каждый решит, оставаться ему или нет. Неволить никого не буду.

Старейшина внимательно всмотрелся в моё лицо и, кивнув, озадачил своих односельчан проводить измотанных людей на излучину, предоставив мне возможность немного передохнуть, прежде чем обратиться ко всем с речью. Дождавшись, когда вся разношёрстная колонна бывших пленников пройдёт через проход, где в скором времени должны появиться крепкие ворота, я обошёл стену и остался вполне доволен качеством работ. Крепостная стена уже сейчас была способна некоторое время выдержать плотный артиллерийский огонь, но и только. Для того, чтобы она по-настоящему была неприступной, надо было ещё приложить очень много труда, да и вообще, если смотреть на дело шире, следовало всю излучину обнести крепостной стеной, как с суши, так и со стороны Большой реки, оставив большой каменный причал для торговых судов. Мысль, конечно, интересная, но для возведения столь масштабного сооружения требовались годы, которых у меня, разумеется, не было. Присутствие на планете моей бывшей жены с её хахалем да ещё в придачу с самозваной жёнушкой, страстно мечтающей отправить меня в лучший мир, не давало покоя. Рано или поздно они меня найдут даже в этой глуши, но к тому времени я надеял-

ся основательно укрепиться здесь, обзаведясь хоть какой-нибудь боевой дружиной, способной защитить мою драгоценную шкуру, а там уж как Бог даст...

Пока крестьяне откармливали бывших пленников, я вновь прошёл вдоль стены, рассматривая её в мельчайших подробностях с целью выявления каких-нибудь огрехов, но таковых опять не обнаружил. Потом сел на своего андроидного скакуна и поехал в сторону взгорка. Поднявшись на его вершину, я достал из походной сумы бинокль и всмотрелся в степь. За время моего отсутствия крестьяне распахали довольно большие участки, и сейчас с десятка два женщин чем-то в полях занимались. Удивившись такой предприимчивости, я в который раз изумился прозорливости деревенского старосты, вот у кого мне ещё следовало поучиться житейской мудрости. Ничего не скажешь, ушлый старик. Вздохнув, я сунул бинокль обратно в суму и поехал дальше осматривать будущее казачье пристанище.

Вернулся на излучину я часа через три и увидел возле возводимой крепостной стены сгрудившихся людей. Заприметив меня, они засуетились, и освобождённые из полона воины немедленно взялись выстраивать всех. Я умышленно не торопился, давая им возможность справиться с этой задачей, а заодно собирался с мыслями, намереваясь предложить им свою затею, и уж после этого пусть каждый решает, останется он на Хортице или попытает счастья в каком-нибудь другом месте. Подневольные мне здесь совершенно ни к чему, тре-

буются, наоборот, свободные и сильные, сплочённые в единый кулак общей для всех идей и целью. Только так и никак иначе можно создать настоящую казачью боевую дружину, способную переломить хребет любому противнику, пусть даже имеющему многократный численный перевес.

Подъехав к неровному строю, я остановился метрах в семи от него. Люди, глядя на меня, притихли, предчувствуя судьбоносность момента. Выждав некоторую паузу, я тронул коня и проехал вдоль строя, буквально всматриваясь в каждого человека. Кто-то был напряжён, словно натянутая тетива лука, а кто-то явно скучал, лениво посматривая на меня, но большинство всё же ожидали нечто особенное. Ощувив, что дальше тянуть нельзя, я выехал в центр и, ещё раз всех оглядев, заговорил:

– Если кто ещё не знает, я – атаман Кудряш. Пришёл на эту землю, чтобы создать поселение свободных людей, независимых от воли буйно помешанной аристократии. Здесь, на излучине, которую я нарёк Хортицей, мы на общем сходе решим, по каким уставам нам всем, кто останется, жить. Учтите, не каждый будет иметь право голоса, его ещё надо заслужить. Если ты полезен обществу и у тебя есть интересная и полезная для людей мысль – выходи и говори, обсудим, если нет – стой в сторонке и помалкивай. Есть ещё одно условие: строгое соблюдение выработанных правил общежития и подчинение старшим. Несоблюдение их будет строго караться. Здесь места суровые, и без чёткого соблюдения дисциплины не обойтись.

плины просто не выжить, а нас к тому же очень мало, врагов же – тьма-тьмушая. Из этого следует, что каждый из нас, от мала до велика, обязан уметь хорошо обращаться с оружием, чтобы защитить нашу свободу. Свобода и независимость – штука очень дорогая, не каждый в состоянии за неё заплатить, и далеко не всегда цена эта измеряется деньгами, чаще всего приходится платить своей кровью на поле брани, учтите это на будущее. Именно по этой причине обучение воинскому ремеслу мы все будем совмещать с другой работой. Я понимаю, это сложно, но иного пути не существует. В дикой степи беспокойно. Воинственные племена степняков регулярно совершают набеги на баронства и гонят полонённых в портовый город Джерсан, где продают их в рабство, загоняют в трюмы больших морских кораблей и куда-то увозят. Куда конкретно, не спрашивайте, я не знаю, но рано или поздно выясню. Сейчас для нас главное – капитально обустроиться на Хортице и научиться обращаться с оружием, а затем мы начнём отбивать пленников, раз уж этим благородным делом не хотят заниматься родовитые аристократы из Вольных баронств. – Помолчав, я взгляделся в лица замерших людей и продолжил: – Решайте сами, готовы вы стать казаками или нет. Срок вам устанавливаю до рассвета. Утром вы построитесь на этом самом месте и каждый из вас ответит за себя – да или нет. Все, кто откажется, стройте плоты и переправляйтесь на другой берег. Живите там, как вам заблагорассудится. Другого пути у вас нет. В степь идти не советую, там

вы найдёте лишь погибель или рабский ошейник. В общем, решайте свою дальнейшую судьбу сами, я никого неволить не собираюсь.

Высказав людям всё, что следовало, я развернул коня и поскакал вдоль берега. Удалившись от излучины на несколько километров, я остановился в одном неприметном месте и занялся обустройством ночёвки, после чего размотал свои рыбачьи снасти и закинул закидушки. До рассвета на Хортице появляться я не собирался.

Когда выловил большого речного сома, разделал его, замариновал и, нанизав на обструганные ветки, поставил жарить на костре. Пока готовилась еда, раскатал туристический матрас и улёгся. Думать совсем не хотелось, да и спать тоже, слишком во взвинченном состоянии я находился. От того, как люди отнесутся к моей затее, зависело слишком многое, если вообще не всё...

Так и не сомкнув глаз, я ещё до восхода собрался и выехал к Хортице. Взобрался на холм, расположенный в километре от излучины, и, взяв бинокль, внимательно рассмотрел наш лагерь. Внешне всё было спокойно, но было заметно, что люди так же, как и я, не спали всю ночь. Видимо, на общем сходе было жарко. Продолжая наблюдать, как к крепостной стене медленно стекаются люди, я подумал, что, если удастся здесь обосноваться, холм следует непременно скрыть, слишком хорошо с него просматривается вся излучина, что не хорошо. Опасно.

Выждав ещё минут пятнадцать, я тронул коня и направился к крепостной стене, возле которой уже собрались практически все обитатели вместе с бывшими пленными. Я снова выехал в центр строя, только на этот раз объезжать его не стал и сразу задал вопрос:

– Каково ваше решение?

– Здесь все, кто пожелал стать казаками, остальные тридцать два человека предпочли податься на другой берег Большой реки и сейчас заняты постройкой плотов, – ответил мне вышедший из строя староста Верин, внимательно наблюдая за моей реакцией из-под бровей.

– Ну что ж, Бог им в помощь. Это их выбор. Пусть готовятся к отплытию, а нас с вами ждёт тяжёлый труд во имя нашей свободы и независимости.

Глава 5

– Атаман, дозор из степи вернулся, причём не пустой, а с освобождённым полонем, да ещё хабара с собой приволокли немерено! – доложил подбежавший ко мне малец из группы наблюдения, куда были определены самые смышлёные дети в возрасте от семи до двенадцати лет.

– Сколько на этот раз народа привели? – поинтересовался я, продолжая вместе со старостой пилить бревно.

– Не знаю, я счёту ещё не обучен, но людей много, намного больше, чем привели в прошлый раз, – виновато поглядывая на меня, ответил он, переминаясь с ноги на ногу.

– Ладно, Верин, отдохни пока, а я пойду взгляну, что там да как.

Утерев холщовой тряпицей выступивший пот, я натянул грубую домотканую рубаху и, прихватив с собой шашку, с которой никогда не расставался, направился к воротам крепостной стены, за прошедший месяц подросшей ещё на два с лишним метра.

С того момента, как не пожелавшие остаться на Хортице люди переплыли Большую реку и основали Выселки на противоположном берегу, прошёл ровно месяц. Работы было много, а рабочих рук катастрофически не хватало, из-за чего пришлось составить отряд из бывших баронских дружинников и отправить их на перехват рабских караванов. В

первый рейд я отправился вместе с ними, а последующие три они справлялись без меня, и надо сказать – вполне успешно, так что на сегодняшний день на Хортице обитало уже порядка четырёхсот человек, из-за чего работы по возведению стены и укреплений ускорились. Помимо крепостной стены мы заложили ещё семь оборонительных башен по периметру будущей крепости и с внешней стороны стены построили большой барак для бывших пленников, где они проходили фильтрацию, прежде чем попасть на территорию излучины. Туда проникали только те, кто решал стать казаком, остальным там делать было нечего.

С некоторых пор я завёл привычку каждого освобождённого подробно опрашивать об окружающем мире и вносить отметки в практически голую карту, выданную мне в туристическом агентстве. Помимо этого, я составлял для себя персональный список аристократов с отзывами простого люда о каждом из них. Такие знания обязательно должны пригодиться. После опроса каждый освобождённый получал право выбора: остаться с нами или податься на противоположный берег, и на сегодняшний день таких отказников набралось около сотни. В основной массе это были крестьяне из зажиточных, по воле случая оказавшиеся в рабском ошейнике и надеющиеся вернуться на свой прежний уровень. Была ещё одна категория, кто не горел желанием браться за оружие, предпочитая работать на земле без всякого для себя риска, и, как правило, такие были профессио-

нально наследственными батраками. Они меня совершенно не интересовали, мне требовались люди совсем иного склада и характера. Решительные и бойкие, готовые свернуть горы с риском для жизни ради мечты о воле.

Пока толковой информации удалось собрать не много, так как грамотных и образованных людей практически не попадалось, но даже из того, что удалось наскрести, можно было сделать кое-какие выводы. Степняки хаживали в земли Вольных баронств, как к себе домой. Тактика была стандартной: налетели, ограбили и быстро тикать, пока по ушам не надавали. Главной целью были продовольствие и пленники, да и торговыми караванами не брезговали, невзирая на их сильную охрану. Судя по многочисленным рабским караванам в степи, это дело было поставлено на широкую ногу, и оставалось только удивляться, почему Вольные баронства с графствами и герцогствами до сих пор не объединились, чтобы прекратить это форменное безобразие, ведь такие налёты больно бьют по хозяйственной деятельности аристократии, существенно снижая доходы. Определённо, кому-то было выгодно такое положение дел, ведь неспроста пленников скупают на корню и куда-то увозят на больших морских кораблях.

Пока размышлял о странности этого мира, я не заметил, как подошёл к воротам, где меня дожидался командир боевой дружины, которому я присвоил звание есаула.

– Ну, здравствуй, Борислав. Поздравляю с успешным рей-

дом.

– День добрый, атаман. Рейд действительно прошёл удачно. Захватили четыре каравана, взяв в качестве трофеев чуть более сотни лошадей с повозками и продовольствием, да ещё три походные кузницы с кузнецами-рабами. Людей с собой привели более двух сотен, среди них – священник с двумя монахами и один переписчик книг с полной телегой дорогого пергамента. Помимо этих образованных, в одном из караванов было три десятка пленённых воинов, до недавнего времени служивших в дружине барона Фальго, спесивого и заносчивого до невозможности.

– Воины и образованные люди нам действительно очень нужны, ведь мальцов наших надо учить грамоте и счёту, – одобрительно покивав, высказал я своё мнение и, разгладив отросшие усы, распорядился: – Борислав, рейды пока следует прекратить, на месяц, а может, и дольше. Степняки далеко не дураки. Думаю, пропавшие караваны уже вызвали в их среде беспокойство, не хватало ещё кинутся на розыски виновников и придут сюда, а мы ещё не готовы, да и продовольствия у нас в обрез. Семьсот человек – это предел, который мы в состоянии содержать, да и то на достаточно скудном пайке.

– Прекратить так прекратить, хотя пощипывать степняков – дельце выгодное, особенно после совершённого ими налёта. В карманах и походных сумках некоторых иногда не только медь с серебром попадает, но и золотишко разное. В ос-

новном монеты, но бывают и ювелирные украшения. Жаль только, деньги тратить негде, ни кабаков, ни винокурен у нас нет, да и купцы пока не захаживают. Кстати, как полагается, общинную долю сегодня вечером в казну внесём.

– Ладно, пойдём на освобождённых пленников взглянем. Деньги – это, конечно, важно, но люди намного важнее. Да что там говорить! Люди – вообще главная ценность. Не пойму только, почему аристократия так расточительно относится к своим подданным, позволяя степнякам столь нагло и безнаказанно разбойничать на своих землях?

Борислав пренебрежительно махнул рукой:

– Да что им беспокоиться о каких-то крестьянах, вечно копающихся в земле? Приносят доход – хорошо, а нет, так с войной пойдут к соседу и там поживятся трофеями, если, конечно, сосед такому деятелю шею не свернёт.

Ничего не ответив есаулу, я вышел через ворота и направился к барaku, где женщины уже кормили бывших пленников горячей ухой с сухарями и холодным квасом. Без гастрономических изысков, зато сытно и питательно. Войдя на территорию фильтрационного лагеря, я присмотрелся к измождённым людям. Заприметив священника с двумя монахами, подошёл к ним.

– Приятного аппетита, уважаемые. Как только отобедаете, пройдите в дальнюю избу, мне с вами с глазу на глаз поговорить требуется.

Не став дожидаться ответа, я развернулся и решительным

шагом направился в домик, где обычно проводил беседы с освобождёнными пленниками. Войдя в помещение, устроился за грубо отёсанным столом и, достав блокнот с картой, занялся изучением предыдущих показаний, желая более точно сформулировать вопросы. Но долго мне этим увлекательным делом заниматься не позволили появившиеся служители культа. Я поднялся и вежливо предложил:

– Проходите, почтенные, присаживайтесь. К сожалению, мне нечего вам предложить, слишком бедно живём. Как вас зовут? Меня кличут атаман Кудряш.

Священник, поглаживая бороду, внимательно взгляделся в мои глаза и задумчиво ответил:

– Я – отец Гавриил, до недавнего времени возглавлял один небольшой деревенский приход на землях барона Фальго, иноки же возвращались из святых мест и попросились на постой, но налёт степняков не дал нам возможности познакомиться ближе. Зовут их брат Валир и брат Туано. Воины баронские, храбро бились, защищая деревню, но слишком силы были неравными. В общем, попали мы в полон, и погнали нас вместе с остальными в степь, пока ваши воины нас не освободили. Вот такие дела наши скорбные...

– Ну что ж, отче, предлагаю вам вместе с монахами построить Божий храм на излучине, ведь люди у нас есть, а духовного поводыря нет.

– Воистину, мудрые слова, сын мой! – воскликнул отец Гавриил, осеняя себя святым кругом вокруг головы. – Та-

кое предложение делает вам честь, атаман Кудряш. Далеко не каждый аристократ заботится о вере, полностью отдавшись во власть греха.

– Я не аристократ, я атаман свободных людей. Будет их воля, изберут себе другого, более способного и удачливого, но пока я их командир.

– Как это?! – ошарашенно выпалил брат Туано, рассматривая меня округлившимися глазами.

– Всё очень просто: у нас нет аристократов по праву рождения. Любой, кто хочет быть свободным и независимым, должен доказать обществу, что он этого достоин. В общем, если хочешь занять высокое положение, потрудись на благо людей, и тогда будут тебе почёт и уважение, да и достаток, что само по себе немаловажно. Так что в нашем крае всё зависит от самого человека, его личных качеств, ну и, конечно, без Божьего покровительства не обойтись.

– Интересные у вас тут порядки... – протянул отец Гавриил. – Пожалуй, займусь-ка я устройством прихода, только монахи мне не подчиняются и должны непременно вернуться в монастырь.

– А вот с этим будут трудности. Через степь не пройти, она кишмя кишит воинственными степняками, и они вновь окажутся в рабских ошейниках. Если знают иной путь до монастыря, пусть идут.

– А вы могли бы помочь нам пройти через степь, ведь у вас есть опытные бойцы, освободившие нас из плена? – как-то

странно посматривая на меня, задал вопрос один из монахов.

– Бойцы у нас, конечно, есть, но их очень мало, поэтому мы не можем себе позволить разбазариваться ими, так что на это можете не рассчитывать. До ближайшего домена как минимум двенадцать дневных переходов, да и то если идти каждую ночь. Может, через полгода мы вас и сопроводим, если захотите, а пока лучше оставайтесь здесь, занимайтесь строительством прихода и заодно обучайте детей азбуке и счёту.

– Благое дело вы задумали... – прищурив правый глаз, тихо проговорил монах, помолчал, бросил взгляд на отца Гавриила и, качнув головой, заявил:

– Мы примем ваше предложение.

– Вот и хорошо, – с облегчением выдохнул я.

Проводив служителей местного культа до выхода, я позвал одного бойца и потребовал найти и привести в хату переписчика книг. Вернувшись в кабинет, сел на табурет и задумался. Что-то эти духовные лица какие-то мутноватые, особенно один из монахов, а это значит, с этими типами следует держать ухо востро.

Дождавшись писаря, я в подробностях стал его расспрашивать. Разговор продлился более двух часов. Получив от него целый ворох разнообразных сведений, я отпустил его и со всеми записями отправился на излучину, где нашёл старосту.

– Верин, тут вот какое дело. Борислав с последнего рейда

притащил слишком много народа, поэтому организуй сегодня на берегу Большой реки грандиозную пьянку для бывших пленников. Пиво, крепкое вино да закуску. Напоить их следует основательно, особенно вояк, и, когда они дойдут до нужной кондиции, завести с ними задушевные разговоры, сам знаешь, что у пьяного на языке, то у трезвого на уме, расспросить, как попали в плен и кто вообще такой отец Гавриил и его монахи.

Ну не верилось мне, что эти духовные люди – простые служители культа, вернее, один из них точно подстава...

– Не беспокойся, атаман, сделаем, у каждого будет своя роль, – заверил меня Верин и поспешил выполнять моё распоряжение, так как до захода солнца оставалось чуть меньше трёх часов.

Глава 6

Голова раскалывалась до жути. Ничего не скажешь, пьянка удалась на славу. Староста мастерски организовал пикник. Мужики зажарили нескольких барашков и выкатили для крестьян два десятка бочонков хлебной браги, а вот для бывших дружинников барона Фальго поставили три бочонка трофейного крепкого вина. Поначалу бывшие пленники с подозрением отнеслись к нашей щедрости, но благожелательное отношение бывших крестьян и воинов растопило лёд недоверия, и люди принялись за еду, налегая и на хмельной напиток. Мне тоже пришлось выпить, правда, к браге я не прикасался, только к вину, которое оказалось до ужаса отвратительным, хотя все убеждали меня в обратном, уверяя, что такой напиток достоин графов. М-да-а... Ничего не скажешь, хороши аристократы... Такое пошло у нас даже законченные алкоголики употреблять побрезговали бы. Ну ничего, бог даст, посадим виноградники, построим винокурню по типу французских шато и развернём виноделие на широкую ногу, правда, это дело далеко не быстрое. Потребуется многие годы напряжённого труда и селекционной работы, но если сделать первый шаг, затем второй, дело пойдёт не без сучков и задоринок, конечно, но будет двигаться вперёд, главное, руки не опускать, и всё непременно получится.

Освобождёнными из полона крестьянами занимался Ве-

рин со своими односельчанами, а я вместе с Бориславом и его бойцами занялся дружинниками. Когда они дошли до необходимой кондиции, мы стали задавать вопросы. Много чего они нам рассказали любопытного, вот только о подозрительных монахах не знали ровным счётом ничего. Зато поделились последними новостями из Вольных баронств, заставившими меня всерьёз задуматься. Оказалось, на довольно процветающее графство Фарно напало непонятно откуда взявшееся сильное войско под командованием некоей миледи Эстель и её младшей сестры Карины. Граф Фарно попытался было дать генеральное сражение, но его дружину очень быстро разгромили в пух и прах, и в результате миледи Эстель стала графиней. Два барона из соседних доменов, узнав, что лакомые земли захватила какая-то бешеная баба, сговорившись между собой, атаковали войско новоиспечённой графини, но потерпели сокрушительное поражение и оказались у неё в плену. За их освобождение женщины потребовали от родственников пятьдесят тысяч золотых дукатов.

– Похоже, моя самозваная жёнушка развернулась на широкую ногу, подготавливая базу для розыска беглого «муженька», в смысле меня, любимого. Ничего не скажешь, бойкая женщина, – пробурчал я себе под нос.

Выйдя на крыльцо и подойдя к деревянной бочке, наполненной речной водой, я умылся и направился в фильтрационный пункт, где потребовал у дежурного привести мне освобождённых кузнецов. Бывший ратник баронской дру-

жины, от которого после вчерашнего сильно отдавало перегаром, придерживая степняцкую саблю, тут же побежал в барак и спустя несколько минут привёл хмельных мастеров. Оглядев хмурых мужиков, я распорядился следовать за мной и, не дожидаясь их реакции, пошёл обратно в свою хату.

Усадив кузнецов на две скамьи и угостив хлебной брагой, обратился к ним с короткой речью:

– Мужики, предлагаю вам остаться на Хортице и вступить в наше казачье братство. Больших денег не обещаю, но возможность заработать у вас будет. Здесь вы также обретёте свободу и независимость от аристократии Вольных баронств, правда, её ещё отстоять требуется, так как места вокруг беспокойные и даже опасные. Хотя степняки сюда пока не хаживают, но рано или поздно это непременно случится, и, чтобы их встретить надлежащим образом, нам требуются ваши золотые руки и светлые головы.

– Да мы не против, – отозвался один из мужиков, внимательно наблюдая за мной из-под низко опущенных бровей, – тем более у вас тут действительно аристократии нет, и живёте вы вольно, хотя пока и не очень богато.

– Ничего, даст Бог, обживёмся, но сейчас срочно требуется построить кузни и перековать сабли степняков в нечто иное...

Вынув из ножен шашку, я бережно передал её кузнецам. Мастера, никогда не видевшие подобного холодного оружия, с профессиональным интересом стали её изучать. Я не стал

им мешать, отошёл на несколько шагов и, сев на лавку, с любопытством принялся наблюдать за ними. Мужики долго крутили шашку, попытались размахивать ею, словно саблей, и довольно быстро разобрались, что фехтовать ею практически нереально, но вот наносить резкие удары, в том числе и уколы, очень даже сподручно.

– Интересное оружие, – подвёл итог мужик с самой длинной бородой, задумчиво подёргивая правое ухо, – вроде на саблю похожа, но не она, ничего похожего в своей жизни не видел.

– Как тебя зовут?

– Клаймом родители назвали, – степенно ответил он и поинтересовался: – Как сие оружие называется и в каких краях воины им сражаются?

М-да-а... ситуёвина. Правду не скажешь, а врать, не зная толком здешних реалий, глупо, но и не ответить почтенным мастерам тоже невозможно, могут оскорбиться и отказаться от работы... Пришлось срочно придумывать более-менее убедительную легенду.

– Ещё дед мой, будучи рыбаком, после шторма на море случайно нашёл выброшенную на берег необычную лодку, как и не из дерева вовсе сделанную, а из какого-то неизвестного материала. Вот в ней он это оружие и обнаружил, назвав его шашкой. Откуда она взялась и кто таким воует, он не знал, но, скорей всего, где-то за Большим морем.

Кузнецы понимающе переглянулись между собой, и

Клайм, поглаживая бороду, заговорил:

– Слыхивать доводилось о всяких необычных вещах, выброшенных морем. Поговаривают, где-то там, далеко за горизонтом, есть Большая земля, и там тоже живут люди. Правда или нет, никто толком не знает, хотя, конечно, и здесь, у нас на материке, тоже, случается, вещи находят – с виду обычные, а свойства имеют самые что ни на есть уникальные...

– Не только вещи, – неожиданно перебил своего товарища один из кузнецов, – люди тоже иногда встречаются очень странные. Я по молодости в графской дружине пять лет десятником служил и сам сталкивался. Уж лет как двадцать с тех пор прошло, а я до сих пор помню, будто это вчера было. Прискакал гонец из соседнего домена к графу с просьбой прийти на помощь, так как на барона Сальжно напало какое-то приبلудное войско без вымпела владетеля. Ну, наш граф молодым и горячим был, сразу дружину поднял и на помощь бросился. Прискакали мы быстро и вступили в схватку. Я со своим десятком на левом фланге был и сразу троих срубил, а вот четвёртый... Я его рубанул секирой по незащищенной латами ноге, а у него даже царапины не осталось. Рубанул второй раз – и тоже ничего, будто не по живой плоти бил, а по высушенному бревну... Я от такого прямо опешил, а он возьми и дубиной меня по шлему огрей, так я в себя пришёл только на следующее утро. Вот после того случая и расхотелось мне быть дружинным воином и в кузнецы

подался. Опосля я ещё не раз подобные истории слыхивал, но больше лично ни с чем таким не сталкивался.

– Да, Зарн, бытуют такие байки среди профессиональных воинов давно. Вроде бы гуляют по миру существа в человеческом обличье, но являются не людьми, а натуральными демонами, правда, церковь и святые отцы официально это отрицают... Хотя неофициально некоторые из них говорят, что существа эти создали плохие люди на погибель роду человеческому, и того, кто ими управляет, инквизиция втайне от всех сжигает на кострах без всякого суда и следствия, особенно в крупных городах.

Слушал я откровения мужиков с каменным выражением лица. Вот что оказывается... Не приведи господи прознают, что я таковым управленцем являюсь, как пить дать зажарят. Блин, надо немедленно от греха подальше всех этих андрюидов переместить с излучины куда-нибудь в другое место. Чтобы отдельно от людей и в то же время всегда под рукой находились.

– Ладно, мужики, прекратим о всяких там демонах судачить, чтобы беду не накликасть, лучше ответьте, возьмётесь за работу или вам это не по силам?

– Непременно возьмёмся. Работа и вправду очень интересная, новое оружие как-никак, – ответил Клайм и, оглядев скудную обстановку комнаты, обратился ко мне: – Разреши, атаман, пройтись по Хортице и подыскать подходящее место для возведения кузницы?

– Идите, а заодно посмотрите, есть ли где в окрестностях залежи каких-нибудь полезных ископаемых, вроде железной или медной руды с каменным углем например. Для этого мы выделим вам телегу с лошадьёю и пару десятков казаков сопровождения для пущей безопасности.

– Непременно посмотрим, атаман, и при обнаружении тебе доложим.

– В таком случае можете подойти к Верину и попросить его выделить вам участки земли для возведения личных изб. Передайте ему, я распорядился. Как только определитесь с участками, все вместе вам жильё отстроим. Таким мастерам, как вы, негоже без своей крыши над головой жить.

Когда кузнецы удалились, я вернулся в хату, облачился в походные одежды и, прихватив оружие, прошёл в конюшню. Нацепив на жеребца сбрую с седлом, доехал к строящейся крепостной стене, отозвал всех андроидов и потребовал немедленно собираться, прихватив с собой шанцевый инструмент. Пока мой человекоподобный инвентарь собирался, я предупредил Верина с Бориславом о своей отлучке и через полчаса направился к одному небольшому кургану из тех, что возвышаются в трёх километрах от излучины.

Были у меня мыслишки выстроить на кургане дозорную сторожевую башню, но всё как-то не до этого было, и вот теперь наступило время воплотить в жизнь свою задумку, а заодно и андроидов увести с Хортицы. Как отстроят башню, так в ней и останутся. На первое время такой легенды впол-

не будет достаточно, но потом придётся что-то иное придумывать. Люди-то в большинстве своём далеко не дураки и всё подмечают. Сейчас пока работы непочатый край, им особо некогда друг к другу присматриваться, а как только станет чуть больше свободного времени, вот тут-то и начнутся проблемы, например, драки, ссоры и другие «прелести» совместного проживания, по сути, случайных людей. Ограничителем в такой ситуации выступают строгие традиции, но таковых пока не имеется, хотя необходимость этого уже явно ощущается. Единственной альтернативой традициям, по крайней мере пока они не сформируются и не укрепятся, является строгая армейская дисциплина и порядки. Без этого общность совершенно случайных людей, каждый из которых имеет своих тараканов в голове, просто развалится, а это, в свою очередь, повлечёт физическую гибель большинства.

Спустя час неспешной дороги я наконец добрался до кургана и, взобравшись на него, внимательно огляделся и, подумав, разделил андроидов на две группы. Одна должна была собирать камни и доставлять их, а другая – отрывать глубокий котлован. Но прежде чем приступить к работе, следовало отстроить небольшой жилой барак со складом.

Из привезённых с собой обструганных брёвен мои андрюиды в течение двух часов соорудили здание, после чего одна группа на телегах выехала за камнями и древесиной, вторая, взявшись за лопаты, стала рыть котлован под будущую сторожевую башню. Так как местных со мной не было, андро-

идов я перевёл на ускоренный режим, благодаря чему котлован углублялся буквально на глазах. Первый метр шестиметрового котлована прошли легко, потому что грунт был достаточно рыхлым, а вот затем стали всё чаще попадаться мелкие камни, из-за чего скорость работы серьёзно замедлилась.

Пройдя вдоль котлована, я остановился и, присев возле большой кучи щебня, стал с любопытством его рассматривать. Складывалось ощущение, будто здесь когда-то тесали камень, слишком уж следы на многих камнях были специфическими. Перебрав несколько десятков мраморных осколков с механическими следами от инструментов, я поднялся и, стряхнув пыль с рук, подошёл к краю котлована, задумался. Очень даже может статься, что под курганом древнее захоронение имеется или что-то типа того...

Только я об этом подумал, как один из андроидов, орудовавший киркой, провалился по пояс в образовавшуюся дыру, а затем и вовсе ушёл туда с головой. Выругавшись сквозь зубы, я спрыгнул в котлован и, подойдя к дыре, взглянул туда, но, ничего, кроме темноты, не увидев, громко крикнул:

– Эй, с тобой всё в порядке?!

– Всё в порядке, атаман, – глухо ответил он мне, – тут какая-то комната с рисунками и барельефами на стенах. Есть ещё закрытая дверь, и больше ничего.

– Дышать-то там для человека есть чем или в воздухе присутствуют какие-нибудь вредоносные бактерии?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.